

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 551–592, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 623.444.4

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв.

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН наук (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsm1[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бобров Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье изучены особенности становления и эволюции ойратской легкой копейной конницы позднего Средневековья и раннего Нового времени. *Цель* исследования — на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников выявить роль копейного боя в боевой практике джунгар и калмыков XVII – начала XIX вв. *Результаты.* Установлено, что в Центральноазиатском регионе на протяжении столетий ударные копыя и пики оставались преимущественно оружием панцирной конницы, в то время как бездеспешные кочевники использовали их лишь эпизодически. В ходе военных преобразований, проведенных ойратскими и монгольскими военачальниками второй половины XVI–XVII вв., ударными копыями и пиками были оснащены конные лучники, что привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных вести как дистанционный, так и ближний бой. В ходе военных походов ойратов, охвативших большую часть степной Евразии, идея массовой легкой копейной конницы была усвоена многими народами Великой степи, в том числе российскими казаками и тюрками Восточной Европы (ногайцами, крымскими и польско-литовскими татарами). В свою очередь копейный бой польско-литовских татар (липков) лег в основу военной практики польских улан, ставших образцом копейной кавалерии для стран Центральной и Западной Европы XVIII – начала XIX вв. На основании анализа монгольских, ойратских, османских, европейских и цинских письменных источников выявлено оригинальное название ойратского длиннодревкового оружия XVII–XVIII вв., которое звучало, как «джида» («дзида»). Установлены конструктивные особенности ойратского длиннодревкового оружия, реконструированы техника копейного боя и тактика конных калмыцких и джунгарских копейщиков. *Выводы.* Собранные материалы свидетельствуют, что копыя и пики являлись основной разновидностью оружия ближнего боя ойратских воинов

XVII – начала XIX вв. Копейный бой являлся одним из ключевых элементов военного искусства джунгар и калмыков указанного периода. Ойраты оказали значительное влияние на развитие практики конного копейного боя среди народов Евразии XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: ойраты, джунгары, калмыки, оружие джунгар, оружие калмыков, длиннодревковое оружие, копьё, пики, копейный бой

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии □ проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бобров Л. А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 551–592. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

Spear Fighting in the Military Art of the Kalmyks and Dzungars of the XVII – early XIX centuries

Leonid A. Bobrov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bobrov L. A., 2023

Abstract. Introduction. The article examines the features of the formation and evolution of the Oirat light cavalry armed with spears of the Late Middle Ages and early Modern times. The *purpose* of the study is to identify the role of spear fighting in the military practice of the Dzungars and Kalmyks of the XVII – early XIX centuries on the basis of a comprehensive analysis of written, pictorial and material sources. *Results.* It has been established that in the Central Asian region for centuries shock spears and pikes remained mainly the weapons of armored cavalry, while light nomads without armor used them only sporadically. During the military transformations carried out by the Oirat and Mongol military leaders of the second half of the XVI–XVII centuries, mounted archers were equipped with shock spears and pikes, which led to the emergence of a new type of cavalry composed of lightly armed spearmen capable of conducting both remote and close combat. During the military campaigns of the Oirats, which covered most of steppe Eurasia, the idea of mass light cavalry with spears was adopted by many peoples of the Great Steppe, including Russian Cossacks and Turks of Eastern Europe (Nogais, Crimean and Polish-Lithuanian Tatars). In turn, the battle on the spears of the Polish-Lithuanian Tatars (Lipkov) formed the basis of the military practice of the Polish lancers, which became a model of such cavalry for the countries of Central and Western Europe of the XVIII – early XIX centuries. Based on the analysis of Mongolian, Oirat, Ottoman, European and Qing written sources, the original name of the Oirat long-barrel weapon of the XVII–XVIII centuries was revealed, which sounded like “jida” (“dzida”). The design features of the Oirat spears were established, the spear fighting technique and tactics of mounted Kalmyk and Dzungarian warriors armed with spears were reconstructed. *Conclusions.* The collected materials indicate that spears and pikes were the main type of melee weapons of the Oirat warriors of the XVII – early XIX centuries. Spear fighting was one of the key elements of the military art of the Dzungars and Kalmyks of this period. The Oirats had a significant

impact on the development of the practice of equestrian spear fighting among the peoples of Eurasia of the XVII–XVIII centuries.

Keywords: Oirats, Dzungars, Kalmyks, Dzungar weapons, Kalmyks weapons, long-barreled weapons, spears, pikes, spear fighting

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Bobrov L. A. The Spear Fight in the Military Art of the Kalmyks and Dzungars of the XVII – early XIX centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 551–592. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

1. Введение

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, военные конфликты с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой «Малого Монгольского (ойратского) нашествия». В XVII – первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов¹ включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге.

По результатам первого этапа «Малого Монгольского нашествия» в Евразии сформировались четыре основных ойратских военно-политических группировки: «Калмыцкая» — в Северном Прикаспии, «Чакарская» — в Северном Казахстане и южных районах Западной Сибири, «Хошутская» — в Тибете и «Джунгарская» — в западной Монголии, юго-восточном Казахстане и Саяно-Алтае.

В первой половине XVIII в. джунгарские *хунтайджи* контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. Более полувека Джунгарское государство, именуемое историками «Последней кочевой империей», сдерживало продвижение России в Южную Сибирь, а Цинской империи в Центральную Азию.

В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Начиная со второй половины XVII в. и вплоть до начала XIX в. калмыцкая конница принимала активное участие в войнах России против могучих европейских держав — Речи Посполитой, Швеции, Пруссии, Франции.

¹ Ойраты — западные монголы. В цинских источниках обычно именуются олётами (элютами), в тюркских — калмаками, в русских — калмыками.

Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии. Не будет большим преувеличением сказать, что военно-политическая ситуация в западной части Великой степи в XVII – середине XVIII в. в значительной степени определялась особенностями взаимодействия калмыцких *тайшей* с Крымским ханством и особенно с Российским государством.

Военные успехи ойратов были обусловлены целым комплексом причин, не последнее место среди которых занимали развитый комплекс вооружения и эффективная тактика ведения боя. Одним из характерных элементов ойратской военной практики было широкое применение длиннодревкового оружия. Несмотря на то, что данный феномен неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных военных историков и оружейников [Бобров, Худяков 2008: 538, 567; Бобров и др. 2010: 126–129, 166; Бобров 2013а; Бобров 2013б; Бобров 2014а: 117–143; Бобров, Рюмшин 2015: 369–374; Shim 2020: 105–107], он еще не становился объектом отдельного научного исследования.

Цель статьи — на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников выявить роль длиннодревкового оружия и копейного боя в боевой практике ойратов (джунгар и калмыков) в XVII – начале XIX вв.

2. Конструктивные особенности длиннодревкового оружия

Классический вариант колющего длиннодревкового оружия состоит из наконечника (поражающая часть) и древка (несущая часть, служащая для удержания и управления оружием)¹. Главными элементами наконечника является боевой проникатель-перо и втулка, с помощью которой наконечник насаживался на древко². Место соединения пера и втулки в отечественном оружейном искусстве традиционно именуется «шейкой». Последняя могла снабжаться специальным утолщением («яблоком»), как правило, округлой формы. Выпуклое «яблоко» усиливало «шейку» наконечника и одновременно играло роль ограничителя, не позволявшего перу погружаться в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение в ходе динамичного конного боя.

От формы и сечения пера (уплощенное, граненое) во многом зависела проникающая способность наконечника, а следовательно, и боевые характеристики оружия. По данной причине именно эти параметры являются основными при типологическом анализе и построении классификационных схем длиннодревкового оружия народов Евразии эпохи Древности, Средневековья и Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 297–308]. По материалу изготовления наконечники делятся на классы, по способу насаждения на древко на отделы (втульчатые, черешковые и т. д.), по сечению пера — на группы. Внутри каждой группы на основании формы пера выделяются типы, которые (исходя из особенностей оформления)

¹ Необходимо отметить, что наряду с классическими образцами длиннодревкового оружия кочевниками Центральной и Средней Азии на протяжении рассматриваемого периода применялись и заостренные цельнодеревянные пики (см. ниже).

² Наконечники с черешковым насадом в ойратских материалах рассматриваемого периода не зафиксированы.

подразделяются на варианты. В ходе комплексного анализа длиннодревкового оружия в целом также учитываются особенности конструкции и базовые характеристики древка и его усилителей, наличие или отсутствие металлических подтоков, кожаных петель-темляков, копейных значков (кистей, флажков) и др.

На основании размеров, пропорций и системы оформления наконечника среди общего массива колющего длиннодревкового оружия ближнего боя археологами, военными историками и оружейниками традиционно выделяются пики, копья и рогатины. Отличительной особенностью пики являлось длинное и узкое, как правило, граненое перо. При этом ширина боевого проникателя пики была, как правило, меньше или равна диаметру ее втулки. Рогатины снабжались массивным наконечником с широким уплощенным или граненым пером, как правило, листовидной формы и втулкой большого диаметра. Ширина пера рогатины обычно превышала диаметр втулки ее наконечника. Что касается копий, то они по своим размерам и пропорциям занимали промежуточное положение между пиками и рогатинами.

Наконечники пик, копий и рогатин насаживались на деревянное древко. При этом кавалерийские пики кочевников Центральной Азии обычно имели длинное (до 3–4 и более м) и тонкое (около 3,0–3,5 см) древко, в то время как древко рогатины, напротив, было коротким и толстым (около 4,0–4,5 см). Верхняя часть древка могла снабжаться металлическими усилителями различных типов, а на нижний конец («пятку») иногда надевался железный подток. Для удобства транспортировки к копьям и пикам привязывались кожаные петли — большая (в центральной части древка) и малая (в нижней). Большая петля выполняла функции погонного ремня, позволявшего носить копье за правым или левым плечом. Малая петля (рус. *ножник*) играла роль дополнительного фиксатора. Она охватывала переднюю часть стопы или щиколотку всадника, обеспечивая древку вертикальное положение.

Главной задачей длиннодревкового оружия являлось нанесение колющих ударов и укулов на дистанции, превышающей дальность действия клинкового и ударно-рубящего оружия. Иногда верхняя часть древка могла дополняться длинной заточенной железной пластиной (рус. *отрез*), позволявшей наносить рубящие удары. Последний факт позволяет отнести снабженные отрезами копья и пики к комбинированному (колюще-рубящему) длиннодревковому оружию [Бобров 2013а: 183, 187, 193].

Особой разновидностью длиннодревкового оружия являются дротики — легкие копья, предназначенные преимущественно для метания в противника. Их отличительными особенностями является более короткое (по сравнению с копьями и пиками) древко и наконечник с пером, как правило, небольшого размера.

Таким образом, длиннодревковое оружие можно разделить на ударное (предназначенное для ближнего боя) и метательное (используемое в дистанционном бою). При этом необходимо учитывать, что в условиях реального боевого столкновения ударное копье могло, при необходимости, с большим или меньшим успехом метаться в противника, а дротик, напротив, использоваться для колющего удара. Кроме того, существовали некоторые универсальные (переходные) варианты длиннодревкового оружия, которые можно было использовать как в рукопашной схватке, так и для метания.

Под копейным боем в настоящей работе понимается разновидность ближнего боя с применением ударного длиннодревкового оружия.

3. Ойратское нашествие XVII в. как военно-исторический феномен

Главным соперником ойратов в западной части Великой степи первоначально была Большая Ногайская орда. В канун ойратского нашествия она переживала не самые лучшие времена. Военный потенциал некогда «тьмочисленных» ногаев в результате междоусобиц, голода и миграций значительно сократился, тем не менее, они продолжали оставаться весьма грозным и опасным противником. Тем большее удивление современников вызвали ход и результаты ногайско-ойратских военных конфликтов 1607–1634 гг. Уже первые боевые столкновения показали, что ногаям нечего противопоставить воинственным пришельцам с востока. Вслед за гуннами, древними тюрками и монголами калмыки в первой половине XVII в. сумели продемонстрировать местным кочевникам преимущества центральноазиатской военной системы. Армии Хо-Урлюка и других ойратских тайшей раз за разом уверенно громили ногайские ополчения и шли от победы к победе. Попытка ордынской знати сколотить действенный антикалмыцкий союз с участием Москвы и Бухары потерпела крах. В 1632 г. непривычные для этих мест вертикальные «хвостатые» знамена ойратов уже поднялись над Волгой [Трепавлов 2013: 144]. А еще через два года с Большой Ногайской ордой на восточном берегу великой реки было покончено [Трепавлов 2013: 144, 147]. Теперь остроту ойратского оружия предстояло испытать ногаям Малой Орды, а затем и крымским татарам, которые уже давно привыкли считать причерноморские степи своей неоспоримой вотчиной [Бобров 2014б: 241–248].

Крушение Большой Ногайской орды являлось следствием целой серии причин политического, социально-экономического и военного характера. Не последнюю роль в этом сыграло непривычное для кочевников западных степей ойратское военное искусство. Стрелецкий голова Иван Болтин сообщал в Москву в 1631 г., что ногаи просто не знают, как сражаться с калмыками: «...нагайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не ставвали они, нигде и биться с ними не умеют* (здесь и далее курсив наш. — Л. Б.)» [Бобров, Рюмшин 2015: 372].

Не меньшее впечатление ойратская конница произвела и на крымских татар. Потерпев целую серию серьезных поражений¹, крымцы стали избегать ближнего боя с калмыками. Чигиринский полковник Григорий Карпович с воодушевлением писал в 1677 г.: «Калмыков татаровя и турки боятца... И естли... калмыков послать на Украину, и *татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут...*» [Бобров, Рюмшин 2015: 373].

Казачий гетман И. С. Самойлович в письме от 6 марта 1678 г. особо просил российское командование прислать калмыков, утверждая, что «...и то б их было буде не больши хотя бы с две тысячи человек, впрям бы... *много ими исправилось неприятелем страху...*» [Бобров, Рюмшин 2015: 372].

Папский нунций, сопровождавший польскую армию Яна Собеского во время похода 1684 г., с восхищением сообщал о калмыках: «Если бы их было много,

¹ Из 49 стычек и сражений калмыков с крымскими татарами и ногаями, датированных периодом Русско-Польской войны 1654–1667 гг., в 45 из них (в том числе во всех крупных битвах) верх одержали калмыки [Бобров, Рюмшин 2015: 363].

быстро истребили бы перекопских татар, которые, как и турки, являются их заклятыми врагами. Так отважны, настолько умелые в обращении с саблей (*szabli*) и луком (*luku*), имеют такое превосходство над татарами, что один калмык, не колеблясь, нападет на десять татар. Само их имя настолько для них страшно, что где голос их услышат, бегут в большом беспорядке, если не хотят испытать на себе прочность их железа и меткость выстрелов их луков... Если бы их можно было привести несколько тысяч, была бы от них большая помощь в войне христиан с басурманами» [Шейхумеров 2019б]¹.

Высокую оценку калмыцкой коннице дал и Петр I в разговоре с датским посланником Юстом Юлем 11 марта 1711 г.: «Тут [царь] сообщил мне, что 40 000 кубанских татар хотели напасть на его флот под Азовом, но что их прогнал калмыцкий хан с десятью тысячами калмыков, — *ибо калмыцкие татары гораздо воинственнее и (сильнее) прочих татар*. Таким образом, великие опасения относительно (взятия кубанскими) татарами царского флота исчезли» [Юль 2001: 250].

Военное превосходство ойратов был вынужден признать даже османский путешественник Э. Челеби, который с горечью констатировал, что «калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков...» [Бобров, Рюмшин 2015: 372]².

За весь XVII в. ногаям удалось лишь однажды нанести серьезное поражение ойратским войскам. Это произошло в 1644 г., когда ногаи, кабардинцы и татары заманили армию Хо-Урлюка в горное ущелье, где на них обрушился огонь ружейных стрелков, засевших на склонах гор. Однако данное исключение лишь подтвердило общее правило. Союзники одержали верх, сражаясь с калмыцкой конницей на пересеченной местности (где ей не хватало пространства для маневра), используя засады и огнестрельное оружие. Что касается боев с войсками тюркских кочевников региона на степном театре боевых действий, то в них ойраты не знали себе равных вплоть до конца столетия [Бобров, Рюмшин 2015: 359–363].

Чем же объясняется столь подавляющее преимущество ойратской конницы при сражении в поле? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к особенностям эволюции оружейного комплекса и тактики ведения боя степных народов Восточной Европы и Центральной Азии.

4. Особенности эволюции комплекса вооружения и тактики ведения боя кочевников Восточной Европы и Центральной Азии XV–XVII вв.

Военное искусство позднесредневековых ойратов и монголов развивалось из того же «имперско-чингизидского корня», что и военное дело татар и ногаев. Однако специфика местных военно-политических и социально-экономических условий привела к тому, что вооружение и тактика монголоязычных кочевни-

¹ Перевод А. А. Шейхумерова.

² Уважительное отношение к калмыцкой коннице сохранилось и в более поздний период. Так, например, главнокомандующий российской армии на начальном этапе Семилетней войны (1757 г.) С. Ф. Апраксин настоятельно требовал прибытия отряда калмыков на театр боевых действий, так как: «... звание оных великое у неприятеля уважение имеет» (цит. по: [Очиров 2020: 24]). С фельдмаршалом был вполне солидарен и немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (с 1770 г.) И.-Г. Георги, который при описании калмыков особо отмечал, что те «... нарочито храбры и одерживают победы над подобными им неприятелями...» [Георги 2005: 400].

ков Центральной Азии в XV–XVI вв. эволюционировали в ином направлении, чем оружейный комплекс и тактические приемы их татарских и ногайских современников. За три столетия, прошедшие с эпохи «Великих завоеваний», военное искусство тюркских номадов Восточной Европы и ойрато-монгольских кочевников Центральной Азии разошлись настолько сильно, что столкновение калмыцкой конницы с ногаями стало для последних настоящим шоком.

К моменту ойратского нашествия военное искусство крымских татар и ногаев представляло собой региональный вариант Позднетюркской военно-культурной традиции, доминировавшей в XVI в. на просторах Дашт-и Кипчак от причерноморских степей до Центрального Казахстана. К этому времени массовая панцирная конница, столь характерная для ордынцев времен Мамай и Тохтамыш, уже давно ушла в прошлое. Панцирные «кошуны» сжались до размеров небольших дружин, несших охрану первых лиц государства. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных ударных подразделений. На полях сражений безраздельно господствовала легкая лучная конница, опиравшаяся на немногочисленные отряды ружейных стрелков, укрывающихся в окопах и вагенбургах. В рукопашную схватку тюркские конные лучники вступали неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом главным оружием ближнего боя были не ударные копья и пики, а сабли, а также дубины, палицы и кистени. Значение длиннодревкового оружия резко сократилось. К началу XVII в. роль копейной атаки в военном искусстве крымских татар была минимизирована, а у ногаев она и вовсе вышла из широкого военного обихода [Бобров 2016: 215–345; Бобров и др. 2018: 889–905]¹.

Однако отсутствие массовой панцирной и копейной конницы отнюдь не мешало тюркскимномадам снова и снова одерживать победы над лучше оснащенными войсками Речи Посполитой и Московского государства. Татары и ногаи являлись настоящими мастерами динамичного кавалерийского боя на большой и средней дистанции. Они буквально засыпали противника стрелами, не подпуская польских «крылатых» гусар и русских воинов помещной конницы на расстояние сабельного удара. Именно на такой способ ведения сражения были ориентированы все основные тактические приемы крымских татар: «хоровод», «тулгاما», притворное отступление и др. В случае контратаки противника татары отрывались от вражеских латников, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV–XVI вв. окончательно стали мобильность и массированный лучной бой [Бобров 2016: 215–345]. По мере улучшения оснащения войск длинноклиновым оружием роль рукопашной схватки в боевой практике крымских татар постепенно возрастала [Бобров 2016: 225, 270–278; Шейхумеров 2019а: 160–170]. Однако даже в середине XVII в. динамичный, преимущественно лучной дистанционный бой продолжал оставаться основой тактического искусства воинов ханства [Бобров 2016: 235–355].

¹ Особо отметим, что уменьшение численности конных копейщиков в войсках было общим трендом развития европейских, западно- и среднеазиатских армий конца XV–XVI вв. Палаш и пистолет в «Христианском мире», сабля и саадак в «Исламском мире» уверенно теснили копьё в качестве главного оружия всадника.

Если татары, ногаи, кочевые узбеки и казахи на протяжении столетий культивировали искусство лучной стрельбы и связанные с ним тактические приемы, позволяющие избегать рукопашной схватки, то военное дело монголоязычных кочевников Центральной Азии эволюционировало в прямо противоположном направлении.

После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа», а также их дериваты), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период нередко представляли собой столкновение отрядов конных лучников, расстреливавших друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать «хоровод» вражеских лучников и смешать воинские порядки противника. Наиболее эффективно данная цель достигалась в ходе стремительной копейной атаки, поэтому монгольские и ойратские латники сохранили копьё как массовый вид вооружения.

Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага — изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массивной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли, монгольские и ойратские полководцы начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников.

Стоит отметить, что метательные копья (дротики) активно применялись легкой конницей кочевников еще в эпоху Древности. Несколько иначе обстояло дело с ударными копьями и пиками, предназначенными для ведения ближнего боя в конном строю. Вещественные, изобразительные и письменные источники VI—XV вв. свидетельствуют, что отдельные бездоспешные номады раннего и развитого Средневековья, наряду с дротиками, периодически использовали ударное длиннодревковое оружие во время кавалерийских схваток. Однако подобная практика никогда не носила по-настоящему массового характера. На протяжении указанного исторического периода ударные копья и пики применялись преимущественно конными панцирниками, в то время как легковооруженные кочевники использовали их лишь эпизодически [Бобров, Рюмшин 2015: 369; Бобров 2016: 221–238; Бобров и др. 2018: 885].

Довооружение легких лучников длинными копьями и пиками, предпринятое ойратскими и монгольскими полководцами второй половины XVI—XVII вв., существенным образом изменило традиционный комплекс вооружения и тактическое искусство кочевников региона. В конечном счете это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных эффективно сражаться как в дистанционном, так и в ближнем бою. Кроме того, в отличие от своих западных визави центральноазиатские правители не только сохранили, но и всячески развивали массовую панцирную («куяшную») конницу, которая на полях сражений страховала и поддерживала легких копейщиков и лучников, повышая их устойчивость в ближнем бою [Бобров,

Худяков 2008: 538, 567; Бобров и др. 2010: 126–129, 166; Бобров, Рюмшин 2015: 369–374].

Как показали военные конфликты XVII в., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух «лавин» легковооруженных воинов отряд, снабженный луками и копьями, имел очевидные преимущества перед отрядом, вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование, поражая отступающего врага все теми же пиками (см. илл. 1: 1). В случае необходимости воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук.

5. Длиннодревковое оружие в комплексе вооружения ойратов XVII – середины XVIII вв.

Первые успехи легких копейщиков вызвали взрыв энтузиазма среди центральноазиатских военачальников, которые стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копьё¹. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой [Бобров, Худяков 2008: 295, 577, 578]. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками (рус. *ожог*), конец которых был заострен и обожжен на огне².

Популярность конного копейного боя в военном искусстве ойратов была подмечена практически всеми их ближними и дальними соседями: казахами, узбеками, киргизами, русскими, украинцами, поляками, турками, маньчжурами, китайцами и др. [Witsen 1785: 294, 306, 314; ДАИ 1872: 238, 239; МИРМО 1959: 54, 173; Крижанич 1965: 429; Гольдберг 1976: 231; Челеби 1979: 171; Мицик 2004: 77, 81; Бобров, Худяков 2008: 294–297, 595; Витсен 2010а: 364, 380, 389; Витсен 2010б: 913; Тепкеев 2012: 328; Shim 2020: 98].

Российские посланники Т. Петров и И. Куницын, посетившие кочевья Далай-тайши в 1616 г., описали оружие и тактику ойратов следующим образом: «А бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной, и пищали есть

¹ Так, например, в 1647 г. татары, наблюдавшие колонну ойратской конницы, с удивлением отмечали: «видели де они в степи ис подполья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 копьа, а у иных де и по 3...» [Миллер 2000: 608].

² Э. Челеби, живописуя вооружение волжских калмыков 60-х гг. XVII в., отмечал: «...наконечники копий — из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копьа пронзают кремень» [Челеби 1979: 171]. Тот же фрагмент в переводе Е. В. Бахревского: «Большинство наконечников из рогов дикого буйвола или быка. Тем не менее эти копьа пронзают кремень» [Бахревский 2023: 20]. Цельнодеревянные пики ойратских воинов упомянуты поручиком Ф. Аблязовым, побывавшим в Джунгарии в 1745 г. Он отмечал на вооружении джунгар «копейные ратовища без копей, а для виду на концах остроганы и обожжены» [Бобров, Худяков 2008: 296]. У казахов XVIII в. копьа также могли не иметь металлического наконечника, а конец древка просто заострялся и обжигался на конце [Кушкumbaев 2001: 59].

же, а пороху де у них мало. А напуск¹ де у них на боех живет по 3 ж: первой напуск с луки, *другой с копыи*, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей нибудь не сломят, и они отходят прочь» [МИРМО 1959: 54].

Османский путешественник Э. Челеби, побывавший у калмыков в конце 1666 – начале 1667 гг., с удивлением отмечал: «Все они носят луки (уау)², стрелы (ок) и копыя (mızrak)... Сабли (kılıç) же встречаются редко. *Но непременно требуется, чтобы в руках были копыя (mızrak). В самом крайнем случае вооружение состоит из [одной только] пики*» [Челеби 1979: 170, 171]³.

Украинский автор «Летописи самовидца» подчеркивал искусство ойратского боя на пиках: «Тилко найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм» (цит. по: [Тепкеев 2012: 328]).

Польский автор «Виршованной хроники», отметив воинственность калмыков и их преимущество в боях с крымскими татарами, при перечислении типичного оружия ойратов середины XVII в. выделил луки (łukem) и копыя (dżyda) [Мицик 2004: 77, 81].

Проанализировавший польские письменные источники второй половины XVII в. историк М. Гаведа пришел к выводу, что «Калмыцкая конница была такой же мобильной, как и татарская, но она превосходила ее в атаке белым оружием, потому что калмыки хорошо владели копыями» [Gawęda 2005: 103]⁴.

Хорватский богослов, философ и военный теоретик Юрий Крижанич, который в 1661–1676 гг. проживал в ссылке в Тобольске, оставил интересное описание комплекса вооружения ойратов и монголов, важным элементом которого названы копыя⁵: «Следовало бы перенять у всяких народов те их строи⁶, которые наиболее известны и хороши, то есть строи калмыков, монгол, самоедов, шотландцев, гусар, драгунов, мушкетеров, казаков, щитоносцев, и держать для образца хотя бы по одному отряду каждого строя... О калмыках и монголах люди рассказывают нам чудеса. *Калмыки держатся гусарского строя*⁷: *носят копье, лук и саблю, и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги. А в битвах гонят [перед собой] скот. А монголы носят на коне пищаль, лук, колчан, копье и саблю и такие вот обборинцы, окованные с обоих концов, и везде на привалах ими защищаются... Строй этот, как я слышал, очень похвален...*» [Крижанич 1965: 428, 429].

¹ Судя по контексту, в данном случае под «напуском» понимается атака или фаза боя.

² Указанные в скобках оригинальные термины названий предметов вооружения взяты из турецкого издания работы Э. Челеби [Çelebi VII].

³ Перевод Е. В. Бахревского: «Все они носят луки, стрелы и копыя... Мечи же встречаются редко. Но непременно в руках у них есть копыя. С копьем они показывают великое мастерство» [Бахревский 2023: 20].

⁴ Перевод А. А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Jazda kałmucka była głównie ruchliwa jak tatarska, ale górowała nad nią w szarzy na białą broń, gdyż Kałmucy dobrze posługiwali się dzidą» [Gawęda 2005: 103].

⁵ Далее приведены фрагменты из произведения Ю. Крижанича «Политика» (1663 г.).

⁶ Как видно из контекста, под «строем» Ю. Крижанич понимает вооружение и связанный с ним способ ведения боя.

⁷ Имеются в виду «крылатые» польские гусары, прославившиеся своей практически неотразимой копейной атакой.

В другом своем произведении «Historia de Sibiria» («История о Сибири») Ю. Крижанич также упоминает копьа в числе основного оружия калмыцкой конницы: «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, то есть в шлемах (*galeati*)¹, с копьами (*hastate*)² и в тяжелых пластинчатых доспехах (*squamatis thoracibus cataphracti*)³. Они сражаются стрелами и саблями (*frameis*)⁴, но короче наших и не загнутыми: их можно сравнить с оружием, называвшимся у римлян «*siscae*», сами же они называют их *сулимами* (*sulimas*)⁵ [Титов 1890: 180].

Описывая вооружение конного калмыцкого отряда Цаган-Батура (200 чел.), посланного для расправы над «ворами и раскольниками» в 1689 г., донской атаман Иван Семенов специально отметил, что «...у них Калмык бой лучной и копейной, а не огненной» [ДАИ 1872: 238, 239]⁶.

Нидерландский путешественник и политический деятель Н. Витсен упомянул копьа и пики в качестве основного оружия ойратов [Витсен 2010а: 364, 380, 389; Витсен 2010б: 913; Witsen 1785: 294, 306, 314], а при описании маньчжуров заметил, что «...их оружие это лук и кинжал, а также пики, как у калмаков» [Витсен 2010а: 9].

Помимо прочего, Н. Витсен привел подробный перечень вооружения ойратов, составленный на основе рассказа российского «солдата» из гарнизона г. Томска, который участвовал в бою с «калмаками» 27 июня 1668 г. В этом

¹ В скобках указаны термины из оригинального текста произведения Ю. Крижанича [Титов 1890: 132].

² В античных текстах под «*hasta*» обычно понималось короткое легкое копье. Однако в период позднего Средневековья и раннего Нового времени им могли обозначать и обычные ударные кавалерийские копьа и пики, которые были «легки и коротки» лишь по отношению к «древам» латной гусарской конницы [Бобров и др. 2018: 892].

³ В издании 1890 г. «*squamatis thoracibus cataphracti*» переведено, как в «кольчугах» [Титов 1890: 180]. Однако, по всей видимости, речь идет не о кольчатом панцире, а о тяжелом пластинчатом (досл. «чешуйчатом») доспехе. Однако данный оборот может быть переведен и иносказательно, как доспех вообще (без учета реальной структуры бронирования). Применение ойратами середины XVII вв. пластинчато-клепаных доспехов («куяков») подтверждается другими письменными источниками и вещественными материалами [Бобров, Худяков 2008: 354–356, 366–376, 378–385, 568; Бобров, Ожередов 2021: 26–116].

⁴ В эпоху Античности термином «фрамея» обозначалась разновидность легкого копьа. Однако уже в позднесредневековых текстах под «фрамейей» обычно подразумевалась сабля [Бобров и др. 2018: 892].

⁵ «Сулемами» («селемами», «селелами», «сулебами», «селебами») в русском языке XVII в. обычно называли слабоизогнутые сабли с относительно коротким (по сравнению с европейскими аналогами) клинком. Так, например, Н. Спафарий называет «сулемами» сабли цинских воинов конца XVII в. Судя по материалам цинских и казахских источников, в категорию «сулем» (от монг. *selme*, *seleme*) также относились короткие тяжелые тесаки с прямым или слабоизогнутым клинком [Бобров, Пастухов 2021б: 193–196].

⁶ Интересно, что схожая ситуация наблюдалась и у восточных соседей ойратов — монголов Халхи. Посетивший в 1647 г. владения халхаского Цецен-хана енисейский сын боярский И. Похабов так описывал оружие монголов: «А людей де в тех цысановых улусех, куда ево вели, много, а бой у них лучной да копейной» [РКО 1969: 125].

описании различные виды колющего длиннодревкового ойратского оружия упомянуты трижды. Интересно, что при этом они переданы тремя разными словами: «Lanzen», «Spiessen» и «Speer» соответственно: «У них были луки (Bogen)¹, *копья (Lanzen)* и рубаки (Houwer)². Народ приходит на войну хорошо вооруженным. Они носят шлемы (Stormhoeden) и латы из чешуи (geschobde Harnassen), *употребляют пики (Spiessen)* и стрелы (Pylen), короткие мечи (korte Zwaerden), не кривые, которые называют салемас (*Salemas*)³. Другое оружие — стрела (Pyl), лук (Boog), длинные ножи (lange Messen), сабли (Zabels) и *копья с железным острием, длиною в локоть (en eenen Speer, die met een spits yzer, van een elle lang)*» [Витсен 2010а: 364; Witsen 1785: 294].

В другом месте Н. Витсен вновь упоминает копьё в числе главного оружия ойратов: «Калмаки разделяют свои силы на отряды по 1 000 всадников, над которыми назначают главного. На войне они редко используют пушки, ружья или пистолеты, а только лук и стрелы (maer Pylen Boog) и носят чешуйчатые панцири и шлемы (Storm-hoeden), а также ножи (Zeer-messen) и *копья (Lanzen)*... Князь черных калмыков, по имени Чукур Убаша, может вместе с соседними князьями за 15 дней собрать около 100 тысяч человек — всадников, ибо у них в войсках нет пеших воинов. *Они вооружены копьями, стрелами и луками, и очень немногие — огнестрельным оружием. Его им привозят из чужих стран*» [Витсен 2010а: 380; Витсен 2010б: 913; Witsen 1785: 306].

Нидерландский исследователь также привел интересное сообщение о вооружении волжских калмыков, которое ему «...написал один европейский христианин, долгое время проживший в Грузии», т. е. в Грузии: «Калмаками правит князь, которого они называют Аюке... Калмаки очень воинственны, и другие тартары их боятся... Их оружие — стрела и лук (Pyle en Boog) и *нечто вроде копья (Lanzen)*» [Витсен 2010а: 389; Witsen 1785: 314].

В цинском сочинении «Гаэрдань чжуань»⁴ отмечается, что в период правления Галдана Бошокту-хана (1671–1697) были введен стандартный комплекс вооружения джунгарских панцирников, в состав которого были включены «короткие копья»-*дуаньцян*⁵: «Велели, чтобы латники (*цзяши*) имели фитильные ружья (*упао*) и *короткие копья (дуаньцян)*, на поясе — лук и стрелы, подвешивали саблю / палаш (*дао*), на верблюдов выючили большие пушки (*данао*). Когда выступало войско, по обычаю делили [его] на три части. Внутри государства

¹ В скобках приведены оригинальные термины из издания книги Н. Витсена 1785 г. [Witsen 1785].

² Возможно, речь идет о тесаках или пальмах.

³ Не исключено, что данную информацию Н. Витсен подчерпнул из работ предшественников. Так, например, весьма схожее описание фиксируется в труде Ю. Крижанича (см. выше). В то же время Ю. Крижанич и Н. Витсен могли получить соответствующую информацию из одного и того же источника. Например, от сибирских служилых людей.

⁴ «Гаэрдань чжуань» («Описание Галдана») приписывается Лян Фэню (1641–1729) — автору сочинения «Циньбянь цзилюэ» («Краткое описание Цинской границе»). Считается, что работа над ним была закончена в 1687 г. (по другой версии — в 1691 г.).

⁵ Из более позднего цинского источника «Циндин Хуаньюй Сиюй тучжи» известно, что «короткая» разновидность джунгарских копий имела длину не менее 3,2 м [Бобров, Пастухов 2021а: 777].

люди сменяли друг друга на [военных] постах. Далекие и близкие, услышав про это, пугались и покорялись» [Naito 1970: 421]¹.

Согласно данным Вэй Юаня, джунгарские воины, оборонявшие «верблюжьей крепость» (кит. *точэн*) в битве при Улан-Бутуне в 1690 г., были вооружены «копьями с крюками»: «С 3–5 часов дня [и] до заката убивали верблюдов и укладывали на бок, делая ограду. Воины стреляли в промежутки ограды из луков и ружей, *готовая к бою копьа с крюками*. Называли это *точэн* (верблюжья крепость)» [Вэй Юань 1842: цз. 3, л. 31].

Знаменитый сибирский историк С. У. Ремезов в 1697–1698 гг. описал вооружение калмыков следующим образом: «...против неприятеля своего воюют на конях, а бесконному сражению так необыкновенны, что совсем его не знают². Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, *копья* и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни. В сражении с первого напуску весьма жестоки, а ежели так сперва не удастся одержать победу, тогда уж будут весьма уступчивы и к сражению не ревнительны...» [Гольдберг 1976: 231].

Тибетские и цинские источники, перечисляющие вооружение джунгарского корпуса, вторгшегося в Тибет в 1716–1720 гг., упоминают *копья* (тиб. *mdung ring thogs*) в качестве главного оружия ближнего боя джунгар [Shim 2020: 97–99].

Российский посланник И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1724 гг., упомянул длинные *копья* первыми среди джунгарского оружия, предназначенного для ближнего боя: «Оружие у них луки, *копья длинною 7 ½ аршин* (ок. 5,3–5,4 м. — Л. Б.), и много имеют пищалей, токмо все с жаграми, и сабли имеют; порох делают сами» [Веселовский 1887: 194].

По мнению цинского командования, одной из важных причин победы джунгар над имперскими войсками в битве у оз. Хотон-нур в 1731 г. было активное использование ойратскими полководцами отрядов копейной конницы: «В битве при Хотон-нур они полагались только на то, что приводили людей (т. е. врагов) в смятение, *схватив копьа и обрушиваясь на них несколькими отрядами*» [Shim 2020: 98].

В данной связи весьма показательны трофеи, собранные цинскими воинами на месте сражений с тюрко-ойратской армией Ходжи Джахана в окрестностях г. Куча в 1758 г.³ По оценке цинского полководца Ярхашаня, в ходе битвы погибло около 1 600 воинов противника. Было захвачено 1 000 пик, 500 фитильных ружей, 10 крупнокалиберных ружей-*джамбулатов*, а также два больших знамени [Пастухов 2022: 114].

После включения Джунгарии в состав Цинской империи лояльные Пекину ойраты продолжали нести службу в цинских войсках в качестве копейщиков и ружейных стрелков. В тексте «Сичуй цзунтун шилюэ» Сунь Юня, в котором

¹ Здесь и далее переводы с китайского языка выполнены А. М. Пастуховым.

² Из данного описания видно, что С. У. Ремезов пользовался сведениями, датированными третьей четвертью XVII в. В 90-х гг. XVII в. джунгары не только часто спешивались во время сражения, но и сделали этот прием одним из важнейших элементов собственного военного искусства [Бобров, Худяков 2008: 574–589].

³ По сведениям маньчжуров, Ходжа Джахан привел с собой 5 000 воинов: 2 000 нукеров-мусульман из Джунгарии, 500 ойратов, 500 мобилизованных торговцев, 2 000 ополченцев из Аксу и Уч-Турфана [Пастухов 2022: 114].

подробно описывается вооружение имперских войск третьей четверти XVIII в. на территории провинции Синьцзян, в отношении ойратов, приписанных к крепости Хунинчен¹, присутствует специальная пометка: «Чиновники и воины ойратского гарнизона (*элутэ ин*) отнюдь не имеют предписанного [цинским солдатам] штатного количества вооружения, только лишь воины за свой счет обеспечивают себя одним фитильным ружьем (*няоцянь*) и одним длинным копьем (*чанцянь*)» [Сун Юнь 1839: л. 13а].

Автор «Тарих-и Бадахшан» при описании джунгар, не покорившихся Цинской империи, откочевавших на территорию Бадахшана и составивших гвардию местного правителя, также акцентирует внимание читателя на ойратском длиннодревковом оружии: «...ходжи держали при себе наготове три тысячи воинственных всадников из числа людей дела, каждый из которых мог бы сразиться с тигром и не страшился нападения и принесения в жертву своей жизни... Три тысячи кровожадных всадников с луками и колчанами из молодых беженцев — [калмаков], *полностью снаряженных копьями* и оружием, [стояли] в готовности у победоносного стремени [эмира]» [Тарих-и Бадахшан 1997: 47–49].

Схожая ситуация наблюдалась в это время и на территории волжской Калмыкии. Анонимный автор, составивший описание национальной конницы юго-востока России в ноябре 1757 г., упомянул копьа первым среди видов оружия калмыков: «Калмыки суть по виду и по храбрости из лучших их нерегулярных войск... *Оружие их состоит в копье*, в сабле и луке со стрелами. Также имеют они и лучших лошадей, а каждый по две...» [Рахимов 2014: 146].

Сообщения современников о массовом использовании ойратами копий и пик подтверждаются данными русской служебной документации о видах ранений служилых людей в боях с ойратами, а также их вассалами и союзниками. Томские служилые люди, характеризуя основные угрозы в боях с ойратами и енисейскими кыргызами в середине 30-х гг. XVII в., видели главную опасность от «...стрельных и от *копыных* ран», т. е. от стрел и длиннодревкового оружия кочевников [Томск... 1911: 156, 157]. Как видно из документов XVII в., томичи не зря опасались ойратских «копыных ран». Современная российская исследовательница М. И. Балькина, проанализировавшая ранения нижегородских дворян в «калмыцком» походе 1644 г., отметила, что «...в основном это были ранения из лука *или копьем в спину, руки и ноги*» [Балькина 2015: 109]. В 1674 г. российские служилые люди особо подчеркивали, что калмыки «колят копиями» [Новосельский 1994: 106, 107]. В 1677 г. отряд из 200 калмыков напал на подразделение астраханских конных стрельцов. В ходе боя 20 стрельцов были убиты, а на троих раненых служилых людей пришлось целых одиннадцать ранений, причем все они были нанесены копиями: «... у Бориски между плеч рана копейная; у Гришки на правом боку и на спине и на левом плече пять ран копейных; у посацкого человека у Игошки на спине пять ран копейных» [ДАИ 1859: 265].

Глубокие раны, нанесенные калмыцкой пикой, снабженной длинным узким пером, были весьма опасны, а иногда даже смертельны. Если раненый не погибал сразу, то он мог скончаться в течение нескольких дней или недель после схват-

¹ Одна из 9 цинских крепостей на территории современной Кульджи, построенная в 1770 г., располагалась в современной западной части города, на северном берегу реки Или (прим. А. М. Пастухова).

ки. В 1756 г. «...Акунана Итимганова копьем в двух местах ранили, которой-де ныне лежит при смерти, а поколол-де ево [ойратский] зайсанг именем Багдук...» [Эпистолярное наследие... 2014: 63].

Длиннодревковое оружие настолько прочно ассоциировалось с ойратами, что слово «копье» иногда употреблялось в качестве синонима слова «калмыцкий воин»: «Не обращаясь к чьей-либо помощи, всего лишь с *семьюдесятью копиями* Мончак-шах из [племени] калмыков напал на Азов, и азовский везир Мустафа-паша был убит копьем, [направленным] руками калмыков» [Челеби 1979: 195].

О широком распространении длиннодревкового оружия среди воинов Западной Монголии XVII вв. свидетельствуют и собственно ойратские материалы. Так, например, в знаменитом историческом сказании «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов», описывающем события 1623 г., ойратские воины армий Сайн-Сэрдэнки (2 тыс. всадников) и хойтского Эсэлбэйин Сайн-Ка (4 тыс. всадников) поголовно вооружены копьями [Бобров, Худяков 2008: 295].

Ойратский посол Мурзья, характеризуя вооружение своих соплеменников в 1632 г., отмечал, что «*бой у них копейной, и лучной, и огненной бой турки...*» [МИРМО 1959: 173].

Перешедший на сторону Цинской империи младший джунгарский военачальник Богуй подчеркивал важность длиннодревкового оружия и рекомендовал маньчжурам увеличить количество копейщиков в своих кавалерийских подразделениях таким образом, чтобы не менее половины воинов передового отряда были вооружены копьями: «Когда дело доходит до сил авангарда, стрелки из ружей бесполезны... Поскольку ваши стрелы внушают ужас, если половина сил авангарда состоит из воинов с копьями, а вторая половина из них — лучники, то это будет хорошо. Ранее в ваших войсках имелось только небольшое количество копий. *На мой взгляд, копья очень важны*» [Shim 2020: 98].

Сведения письменных источников хорошо коррелируют с изобразительными материалами Нового времени. На цинских картинах, свитках и рисунках середины XVIII в. джунгары показаны, в первую очередь, как конные и пешие (спешенные) копейщики (см. илл. 1: 8). Более 85 % джунгарских воинов, оснащенных оружием ближнего боя, вооружены пиками и копьями. На рисунках Ремезовской летописи ойраты изображены в качестве лучников и копейщиков (см. илл. 1: 1–7). На картине неизвестного художника, иллюстрирующей праздник Цаган Сар 1733 г., джунгарские «куяшники» также вооружены длинными пиками.

Анализ собранных письменных, изобразительных источников позволяет утверждать, что копья и пики являлись основной разновидностью оружия ближнего боя джунгарских и калмыцких воинов XVII – середины XVIII вв.

6. Копейный бой в воинской практике ойратских кочевников XVII – середины XVIII вв.

Эффективность ойратского копейного боя была обусловлена не только конструктивным совершенством ойратского длиннодревкового оружия (см. ниже), но и высоким уровнем мастерства калмыцких и джунгарских копейщиков. Эту особенность боевой подготовки ойратов особо подчеркивал Э. Челеби:

Илл. 1. Ойратские копейщики в российской и цинской иконографии: 1–7 — Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII вв.; 8 — «Разгром лагеря у [горы] Гэдэн-ола [в 1755 г.], около 1765 г., Дин Гуаньпэн и др. по рисунку Дж. Кастильоне, собрание музеев Гугун, Пекин

[Ill. 1. Oirat spearmen in Russian and Qing pictorial sources: 1–7 — The Remez Chronicle, the end of the XVII – beginning of the XVIII centuries; 8 — "The defeat of the camp at [Mount] Gaden-ola [in 1755], about 1765, Ding Guanpeng and others according to the drawing of J. Castiglione, Gugong Museum Collection, Beijing]

«С копьем они показывают великое мастерство» [Бахревский 2023: 20]¹. О том, что калмыки «*справне уміют вбити копієм*», отмечал и украинский автор «Летописи самовидца» (цит. по: [Тепкеев 2012: 98, 99]). В ойратских и цинских источниках упоминаются джунгарские воины, прославившиеся искусством копейного боя. Так, например, мастерски владел пикой молодой хошутский нойон Галдама, сразивший в поединке казахского хана Джангира в 1652 г. В начале XVIII в. самым знаменитым бойцом на копьях среди калмыцких воинов был Күндүлэнг, которого ставил в пример соплеменникам сам хан Аюка [Тепкеев 2018: 183, 184]. Выдающимся копейщиком был и Хар-баатр Аюши, героические действия которого принесли Цинам победу над войсками Даваца в сражении у Гэдэн-ола в 1755 г. (см. илл. 1: 8).

Искусство владения пикой воспевалось в ойратском героическом эпосе. Так, великий воитель Джангар — главный герой одноименного эпоса прославился в первую очередь как непобедимый конный копейщик. Его оружие удостоилось в эпосе самого подробного описания [Басангова 2021: 36, 37]. Тема приобретения копья и его починки является одним из сюжетообразующих мотивов указанного произведения [Басангова 2021: 33, 35–38]. В искусстве владения копьем также отмечены соратники Джангара: Гюзан Гюмбе, Хонгор, Санал, а также многие другие герои ойратского и монгольского эпоса.

Выдающиеся качества ойратских копейщиков подтверждаются и конкретными боевыми эпизодами. Когда 15 февраля 1715 г. армия Бахта Гирея (4 султана, около 30 тыс. чел.: татары, ногайцы и казаки-некрасовцы) неожиданно напала на калмыцкие улусы и ставку хана Аюки, сотня кубанцев бросилась преследовать калмыцкого хана. Однако ей на встречу вынеслись калмыцкие копейщики, которые отбили преследователей и при этом «закололи кубанцов копьями 50 человек», потеряв только 13 воинов [Тепкеев 2018: 256].

Через два года, в 1717 г., «жестокий» копейный удар джунгарской конницы опрокинул казахских ружейных стрелков в битве на р. Аягоз. Казахский воин (участник сражения) сообщал российским посланникам: «...приехали множество калмыков и напали на их войско вдруг, и они-де, *казаки, стреляли по них из фузей и калмыки-де напали на них с копья жестоко*, и они-де не стерпя того, побежали все и за ними-де калмыки гнались полдни и их людей побили, колико, того он не знает» [Бобров 2009б: 95–98].

Весьма успешно калмыцкие копейщики действовали и против европейской кавалерии. В бою под Белой Церковью 21 мая 1665 г. они нанесли поражение знаменитым польским «крылатым» гусарам, «панцерным» и рейтарам. В ходе сражения калмыки захватили большое количество трофеев, в числе которых были многочисленные «пансыри», «збруи», гусарские копья и доспехи [Бобров, Рюмшин 2015: 363].

¹ Интересно, что по данным того же автора у калмыков копейный бой практиковали не только мужчины, но и женщины: «Они садятся верхом, берут в руки копье, опоясываются мечами и сражаются даже лучше своих мужей» [Бахревский 2023: 16]. В этой связи примечателен эпизод киргизского эпоса «Манас», в котором главный герой произведения сходится в поединке с калмыцкой амазонкой «удалой Сайкал», вооруженной «копьем с желто-серым флажком». В ходе ожесточенной схватки Сайкал активно фехтует древком, пробивает копьем доспех Манаса, и лишь умелый удар в грудь заставляет ее отступить [Манас 1988: 362–366; Худяков и др. 2013: 168, 169].

В кавалерийском сражении у р. Варта при г. Видаве 3 октября 1706 г. авангард российско-саксонско-польских войск, состоящий из 10 тысяч калмыков и казаков, нанес сокрушительное поражение регулярной польской кавалерии Станислава Лещинского (сторонника шведского короля Карла XII). Согласно данным В. А. Артамонова, калмыцкая конница, «не дождався драгун», атаковала польский обоз, выманила и навела на засаду 3 тыс. «станиславцев». Правое крыло великого коронного гетмана Ю. Ф. Потоцкого «из 10 полков» было разгромлено и в беспорядке бежало. По показаниям перебежчиков, за три часа боя «станиславцы» потеряли до 600 чел. убитыми и несколько десятков пленными. Потери калмыков не превысили 30 чел. ранеными и убитыми [Артамонов 2007: 22, 23].

Через два года в ходе битвы у д. Раёвка 9 сентября 1708 г. калмыки и казаки весьма поспособствовали победе российской регулярной кавалерии Р. Х. Баура и «на неприятельских флангах многих копьями покололи», при этом было убито более тысячи шведских солдат, а под королем Карлом XII ранена лошадь [Голиков 1838: 13].

Во время Семилетней войны остроту ойратских пик испытали на себе и прусские кавалеристы. А. Т. Болотов упомянул умелые действия калмыцких копейщиков против гусар Фридриха II: «...калмыки наши оказали при сем случае довольные знаки своего проворства и свойственной таким легким народам храбрости, 7 человек из них — усмотря человек двадцать прусских гусар, удалившихся от прочих, переплыв нагие и без седел, с одними только дротиками¹ через Прегель — ударили с такою жестокостью на них, обративши их в бегство, гнали до самого их стана и, как выше упомянуто, трех убили, а одного в плен взяли» [Шовунов 1991: 158].

Согласно сообщениям современников, именно ударами копий и пик были поражены многие военачальники вражеских армий, рискнувших вступить с ойратами в ближний бой. Среди наиболее известных жертв ойратских копейщиков можно упомянуть хотогойского «Алтын-хана» Шолой Убаши-хунтайджи, знаменитого казахского хана Джангира, османского Мустафу-пашу (зятя османского султана), крымского военачальника Казы-мирзу и др. [Челеби 1979: 195; Бобров, Худяков 2008: 295; Тепкеев 2012: 319, 329].

Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том мощном психологическом эффекте, который производила на противника массированная атака копыеносной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников, склонивших длинные копья и пики, оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов, даже знакомых с подобным оружием и тактикой.

Интересно, что это правило, характерное для военных конфликтов XVII в., в значительной степени сохранило свою актуальность даже в начале XX в. Во время Первой мировой войны в ходе кавалерийских сражений с российскими всадниками, вооруженными пиками, «австрийцы не выдерживали вида пик и до стычки падали с лошадей» [Васильев 2016: 64].

Еще большее впечатление копейная атака оказывала на солдат, не имевших опыта столкновения с конными пикинерами. В ходе Русско-японской войны (1904–1905), в кавалерийском сражении под Юдзятунем (17 мая 1904 г.) со-

¹ В данном случае под «дротиком» подразумевается кавалерийская пика.

шлись две сотни 8-го Сибирского казачьего полка и эскадрон японских драгун. Командир последних майор Танака, увидев сибирцев, вооруженных длинными пиками, насмешливо крикнул им: «Русские, уберите ваши оглобли!». Однако через несколько секунд японскому офицеру было уже не до смеха: «Казачи вылетели на насыпь и бросились вниз, на ходу перестраиваясь в лаву, оцетившись пиками. Казачий неожиданный удар пришелся во фланг переднего эскадрона и, по свидетельству очевидцев, *японские драгуны, совершенно не знакомые с казачьими пиками, растерялись, смешались и отмахивались словно дети. В первый же момент стена острых пик буквально пронзила ряды японских кавалеристов, десятки из них были вышиблены из седел.* В это время казаки, вооруженные шашками, обходили их с флангов, не давая уйти обезумевшим от страха драгунам. Дело было сделано буквально в несколько минут. На поле боя остались около сотни трупов» [Бобров 2014а: 120].

Кавалерийские схватки времен Первой мировой войны в очередной раз наглядно показали, что массированный удар конных копейщиков представлял собой исключительную опасность для кавалеристов, лишенных корпусного защитного вооружения. В данной связи весьма характерны сообщения российских и австрийских участников конного боя у Ярославцы в 1914 г. А. В. Сливинский: «Уколы пик были ужасны, особенно, если пика попадала в скачущего навстречу противника; она вонзалась в него и выходила с обратной стороны туловища, производя широкие рваные раны»; в ходе схватки граф А. Траутмансдорф был «наквозь» пронзен «...страшным ударом пики так, что острие пики вышло ему через спину, и тот, кто нанес ему этот удар, уже не мог пику вытянуть»; ротмистр М. Н. Стеллецкий: «...удар от столкновения почувствовался, так как благодаря работе пик первая шеренга противника была снята [с седел]»; обер-лейтенант А. Ресгиеер: «...противостоявший нам русский фронт остался на месте и, словно еж, выставил против нас свои пики. При этом первом столкновении многие храбрые солдаты с нашей стороны нашли свою смерть»; «те [русские всадники,] у кого были пики, действовали лучше, выбивая австрийских драгун прямо из седел»; во время того же сражения вахмистр Бек наблюдал «...драгуна, приподнятого высоко в воздух пикой одного русского» и т. д. [Васильев 2016: 50, 51, 55, 57, 59, 63, 67, 88].

Отметим, что разгромленные легкими российскими копейщиками японские и австрийские драгуны, вооруженные клинковым оружием, могли хотя бы «отмахиваться» от казачьих пик. Что же говорить о ногах начала XVII в., у которых саблями были вооружены лишь самые обеспеченные воины.

7. Тактические особенности применения конных и пеших копейщиков в ойратских войсках XVII – середины XVIII вв.

Превращение копий и пик из оружия элитарных панцирных подразделений в массовый вид вооружения оказало существенное влияние на тактику ведения боя ойратских и монгольских армий. Степные военачальники, на протяжении многих столетий старавшиеся избегать ближнего боя, в XVII в. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков. Стремление ойратской и монгольской конницы «давом давить и

копьем смешивать» резко контрастировало с традиционной ногайской и татарской тактикой и вызывало удивление русских служилых людей, столкнувшихся с монголоязычными номадами в Поволжье и Южной Сибири [Бобров 2014а: 122; Бобров, Рюмшин 2015: 369–372].

Высокая прорывная способность ойратской конницы достигалась за счет широкого применения отрядов латников («куяшников»), а также смешанных подразделений, составленных из панцирных и легких копейщиков. Однако сгруппированные в колонну легковооруженные всадники-пикинеры также обладали значительным потенциалом прорыва, что наглядно продемонстрировали военные компании на европейском и азиатском театрах боевых действий XVIII – начала XIX вв.¹

Излюбленным построением ойратских войск на поле боя был «Лук-ключ» — центр армии отогнут назад, крылья выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения ойратская конница опрокидывала фланги врага и заходила ему в тыл [Бобров, Худяков 2008: 569]. Альтернативой этого построения был «Бычий рог», предполагавший нанесения мощных (иногда парных) ударов, разрывавших построение противника.

В XVII в. ойратами применялись различные виды построений копейной конницы в ходе атаки. Современники отмечают наличие у них сомкнутого развернутого строя, который Ю. Крижанич сравнил со строем «крылатых» польских гусар [Крижанич 1965: 428, 429]. Другим вариантом более или менее сомкнутого построения был клин — *хошуун*. Также применялись рассыпной строй (*нохой хэрэл*) и лава (*нуман жагсаал*) [Бобров, Худяков 2008: 569].

По мере вытеснения защитного вооружения из широкого военного обихода возрастает роль разряженных построений. В современной литературе любой рассыпной строй конницы часто именуется лавой, что не соответствует аутентичной военной терминологии XVIII–XIX вв. Если традиционная лава обычно представляла собой цепь всадников (иногда с выделенным резервом), то наступающая конница кочевников в большинстве случаев формировала кавалерийскую «лавины» — колоннообразное построение легких копейщиков и стрелков, которое могло быть развернуто как по фронту, так и в глубину [Бобров 2015: 115, рис. 1, рис. 15, 1, 2].

Если целью атаки был охват вражеских флангов, то по ходу движения воины в центре придерживали коней, а их соратники на флангах, напротив, устремлялись вперед. В результате наступающая кавалерийская «лава» разворачивалась в полумесяц, обращенный рогами к противнику. С подобной атакой калмыков столкнулся П. Г. Брюс, командовавший российским корпусом во время сражения у р. Берекет 24 ноября 1723 г.: «Мы сформировали каре в сторону реки, а вещи и скот укрыли в тылу. *Противник наступал строем в форме полумесяца*, но на расстоянии ружейного выстрела от нас остановился для принятия решения о

¹ Характерно в данной связи, что во французской армии начала XIX в. пикинеры-«шеволежеры» относились не к легкой коннице (как, например, гусары), а к линейной кавалерии (как драгуны). Знаменитый военный теоретик Г. Жомини и вовсе сопоставлял уланы по уровню прорывной способности с тяжелой кавалерией кирасир: «Ни одна кавалерия не прорвется там, где этого не сделают уланы или кирасиры, скачущие рысью» [Бобров 2015: 125].

способе атаки. Дасан¹ пребывал в крайнем замешательстве и умолял меня держать врага на расстоянии с помощью наших больших пушек и ружей, *уверяя, что, если мы этого не сделаем, они бросятся на нас в молниеносной и яростной атаке и сомнут наши ряды...* [через некоторое время] *они начали наступление, двигаясь полукругом, намереваясь нас окружить*, поэтому я приказал выстрелить в них из полевого орудия, а потом зарядить пушку крупной картечью. Все это время они старались не приближаться к нашим войскам, но все силы направили против своих соотечественников, поэтому мне пришлось сформировать фронт и с правой, и с левой стороны...» [Брюс 2022].

Если целью атаки был не охват, а прорыв боевых порядков противника, то первыми в галоп бросали своих коней воины центрального отряда наступающей калмыцкой «лавины», из-за чего развернутая кавалерийская колонна постепенно приобретала форму клина-*хошуун*, нацеленного на врага. Воины, возглавлявшие такой кавалерийский клин, пользовались особым уважением среди калмыков: «„Дархта“ суть потомки лиц, принадлежавших к разным родам простых калмыков и отличавшихся особенной храбростью при военных действиях. У калмыков доньне существует поговорка „хошоун деере дархлык дыксын“, то есть „я выслужил свое право в голове хошуна“. Хошуном, от которого калмыки производят и самое имя хошутов, *назывался строй войска острою колонною: люди, стоявшие в голове ея, шли на верную смерть*» [Небольсин 1852: 21].

Во время атаки всадники двигались на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям маневрировать конем и действовать пикой. Российские и европейские офицеры, привыкшие к шереножным построениям эскадронов регулярной кавалерии, именовали группы атакующих номадов «скопищем», «толпой», «лавиной», «роем ос» и т. д. С их точки зрения атака кочевников была «беспорядочной» и «хаотичной», тем большее удивление вызывала способность степных военачальников успешно управлять своими «скопищами» и решать поставленные тактические задачи. То, что офицеру регулярной армии казалось беспорядочной толпой, в действительности представляло собой совокупность небольших отрядов, тесно и умело взаимодействующих между собой. Атакующая конная лавина была исключительно подвижна и эластична. При необходимости масса всадников стремительно рассыпалась, а затем также стремительно собиралась в единый ударный кулак. Нахлынув как волна, кочевники могли быстро отступить, увлекая за собой противника, который ломал свой строй и становился жертвой вновь собравшегося и атакующего «скопища»².

Большинство европейских авторов XVII–XVIII в. отрицают факт применения калмыками шереножных построений. Особняком в данном ряду стоит сообщение российского посланника И. Унковского, который мог лично наблюдать в 1723 г. боевой порядок конного джунгарского отряда (около 300 чел.) перед сражением: «Калмыки конвойные надели панцыри, а иные тигиляки и

¹ Досанг (Дасан) — калмыцкий нойон, на помощь которому и был отправлен корпус П. Г. Брюса. Противники Досанга из числа других калмыцких правителей пытались, по возможности, избегать боя с российскими войсками и атаковали фланги Брюса, которые удерживали калмыцкие подразделения Досанга.

² Характерно, что цинские военачальники видели главную причину поражения имперских войск у оз. Хотон-нур в 1731 г. в том, что джунгары, «схватив копыя, обрушились на них несколькими отрядами» [Shim 2020: 98].

построились по своему по 20 и меньше в ряд, и тако степью пошли, а в партию на добрых лошадях послали для проведения 10 человек» [Веселовский 1887: 148, 150]. Данное описание позволяет предположить, что в некоторых случаях джунгары могли использовать строй из нескольких рядов (шеренг). Судя по тому, что число воинов в шеренге было различным (20 и менее в ряду), не исключено, что И. Унковский наблюдал некий вытянутый вариант клиновидного строя (*хошуун*), сужающийся к острию. Как видно из описания, впереди такого строя двигался передовой разведывательный отряд из десяти всадников.

На полях центральноазиатских сражений последней трети XVII – первой половины XVIII вв. джунгарские копейщики-кавалеристы эффективно взаимодействовали с конными и спешенными лучниками, ружейными стрелками, а позднее и с полевой артиллерией. В случае необходимости часть воинов с пиками сходила с коней и прикрывала стрелков от вражеской атаки [Бобров, Худяков 2008: 574–604].

В цинском сочинении «Гаэрдань чжуань» описывается последовательность действий джунгарских воинов, оснащенных различными видами оружия: «Сначала стреляли из фитильных ружей (*унао*), потом из луков, потом сражались копьями»¹ [Naito 1970: 421].

Тактическое искусство джунгар второй четверти XVIII в. основывалось на сочетании согласованных действий масс легкой и панцирной конницы со спешенными копейщиками и стрелками. Во время кавалерийской атаки первый ряд всадников мог состоять из воинов с ружьями, которые совершали выстрел в момент сближения с противником², после чего в ряды врага врубались конники с пиками и саблями. В ходе боя спешенные копейщики могли формировать плотные колоннообразные построения, или перемешиваться с ружейными стрелками. Оборонительные и наступательные действия джунгарских отрядов поддерживались огнем полевой артиллерии, перевозившейся на верблюдах [Бобров и др. 2010: 198–203; Бобров 2022: 24].

8. Аутентичное название ойратского длиннодревкового оружия XVII–XVIII вв.

В монгольском языке термин «копье» или «пика» передается словами *жад*, *žida* [БАМРС 2001: 155], у калмыков — *жид* [КРС 1977: 226], у синьцзянских ойратов — *жиде* [Тодаева 2001: 142]³. В тексте монголо-ойратского свода законов «Их цааз» (1640 г.) и халхасском законодательном памятнике «Халха джирум» (начало XVIII в.) для обозначения копья и пики использован термин *žida* [Пюрбеев 2009: 284]. Османский путешественник Э. Челеби, посетивший калмыцкие кочевья в конце 1666 – начале 1667 гг., передал звучание интересующего нас слова как *cidav*, т. е. «джидав» [Бобров, Пастухов 2021а: 776; Çelebi VII: 179b]. Польский автор «Виршованной хроники» обозначил калмыцкое копье как *dzyda* [Мицик 2004: 77, 81]. Нидерландский путешественник и политический деятель

¹ Цзицы — букв. «наносили колющие удары» (прим. переводчика).

² Не исключено, что подобная стрельба имела не столько боевой, сколько психологический эффект.

³ В кириллическом алфавите, используемом при записи монгольских и ойратских слов, буквы «ж» и «ж» означают звук «дж» [Бобров, Пастухов 2021а: 776, 777].

Н. Витсен записал калмыцкое слово, обозначающее копьё или пику (Lans of Piek), как «Zyda» [Витсен 2010а: 370]. Цинские авторы третьей четверти XVIII в. транскрибировали оригинальное название джунгарского копья как 濟達, т. е. *цзида* [Бобров, Пастухов 2021а: 776].

Собранные материалы позволяют сделать вывод: как волжские калмыки, так и джунгары XVII – середины XVIII вв. использовали для обозначения ударного длиннодревкового оружия один и тот же термин, который звучал, как «джида» или «дзида».

Наряду с «джидай» в ойратском эпосе и некоторых других источниках упоминается длиннодревковое оружие, называемое *арм* (*арам*). Варианты его атрибуции в отечественной историографии весьма разнообразны. Оно переводится как «дротик», «копье» или «пика» [Бобров, Худяков 2008: 310, 311; Басангова 2021: 35–37].

У центральноазиатских соседей, союзников и вассалов джунгар из числа тюркских народов, для обозначения копий применялся термин «найза», а для пик — «сунги» [Бобров, Пастухов 2021б: 196].

9. Конструктивные особенности ойратской пики «джида»

Рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик (см. илл. 2: 1)¹. Из оружия первого удара пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения. Неудивительно, что в этих условиях появился запрос на универсальное длиннодревковое оружие многоразового использования, которое, с одной стороны, было бы легким и надежным, а с другой — позволяло бы эффективно поражать как бездоспешных, так и панцирных воинов противника. Таким оружием стала ойратская кавалерийская пика «джида», увенчанная наконечником с узким граненым (треугольным, или ромбическим в сечении) пером и конической втулкой с округлым (обычно шаровидным) ограничителем-«яблоком» (см. фото. 2: 2)².

Наконечник насаживался на очень длинное (3–5 м)³ и тонкое (около 3,0–3,5 см в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на

¹ К сожалению, формат статьи не позволяет подробно рассмотреть типологию подлинных образцов наконечников ойратских копий и пик, хранящихся в музейных и частных собраниях.

² Наряду с описываемой разновидностью пики, ойратскими воинами использовались и иные варианты длиннодревкового оружия, снабженного наконечниками с граненым, уплощенным и линзовидным в сечении пером удлинённо-треугольной, удлинённо-ромбической, килевидной, шиловидной, каплевидной и других форм.

³ Согласно цинским источникам второй половины XVIII в., джунгары использовали две основные разновидности «джида»: «длинную» (3,8–4,1 м) и «короткую» (от 3,2 м). В то же время посол И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1723 гг., упоминает джунгарские копья длиной около 5,3–5,4 м [Бобров, Пастухов 2021а: 777]. Ойратские воины, включённые в состав цинских войск провинции Синьцзян третьей четверти XVIII в., были вооружены «длинным копьем» (чанцянь) [Сун Юнь 1839: л. 13а]. В зависимости от модификации цинские чанцянь имели длину от 1 чжана 3 цуней до 1 чжана 4 чи, т. е. 3,3–4,5 м.

Илл. 2. Ойратские и мусульманские копья с «отрезом» XVIII в.: 1 — Джунгарские и мусульманские воины вооруженные копьями с «отрезом», «Великая победа при Курмане [в 1759 г.]», около 1765 г., Дин Гуаньпэн и др. по рисунку Дж. Д. Саллюстия, собрание музеев Гугун, г. Пекин; 2–4 — Реконструкция джунгарской пики с «отрезом», авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович (мастер)

[*Илл. 2.* Oirat and Muslim spears with a “cut-off” of the XVIII century: 1 — Dzungarian and Muslim warriors armed with spears with a “cut-off”, “The Great Victory at Kurman [in 1759]”, ca. 1765, Ding Guanpeng, etc. according to the drawing by J. D. Sallust, collection of Gugong museums, Beijing 2–4 — Reconstruction of the Dzungarian spear with a “cut-off”, the authors of the reconstruction: L. A. Bobrov, Yu. A. Filippovich (master)]

максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара. Сильные колющие удары, наносимые «бронейбойным» наконечником, разрывали панцирное покрытие. Еще большую опасность пика представляла для вражеских воинов, лишенных защитного вооружения. Поражающий эффект достигался не столько за счет большой кровопотери, вызванной широкой раной (как при ударе широколезвийным копьем или рогатиной), сколько благодаря глубокому проникновению узкого граненого пера, поражавшего внутренние органы. В то же время округлое «яблоко» на шейке наконечника не позволяло перу проникать в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение. Вооруженный пикой воин мог нанести стремительный колющий удар, а затем быстро извлечь оружие из тела противника и продолжить бой [Бобров, Ожередов 2021: 192, 193].

В отличие от западноазиатских и российских пик XVI в. с узким (квадратным в сечении) «шиловидным» пером, их центральноазиатские аналоги имели более массивное «кинжаловидное» (обычно ромбическое в сечении) перо, позволявшее эффективно пробивать не только кольчуги, но и популярные в Центральной Азии пластинчато-клепанные доспехи-«куяки». Чтобы облегчить вес «кинжаловидного» наконечника и повысить его жесткость, центральноазиатские мастера стали снабжать боевой проницатель широкими долами, благодаря которым перо стало иногда приобретать почти крестообразное сечение (см. фото 2: 2).

Частым элементом оформления ойратских пик был конический или копьевидный подток, который насаживался на нижнюю часть древка (см. илл. 2: 1). Подток позволял втыкать оружие в землю, а при необходимости мог использоваться для нанесения колющего удара.

Важной новинкой в конструкции кавалерийской пики стал знаменитый копейный *отрез*¹. Последний представлял собой клиновидную в сечении железную пластину удлиненно-прямоугольной или удлиненно-трапециевидной формы. В отличие от *пожилин* «копейный отрез» не наклепывался на древко, а крепился к нему встык, образуя достаточно широкое железное «ребро» (см. илл. 2: 1, 3). Внешняя сторона железной пластины затачивалась, превращая «отрез» в разновидность рубящего оружия. Такой клинок не только защищал несущую часть пики от рубящих ударов противника, но и не позволял вражескому воину ухватиться за древко. В свою очередь копейщик мог чередовать традиционные колющие удары наконечника с мощными рубящими ударами клинком «отреза», который фактически представлял собой палаш на длинном древке. Объектом атаки могли выступать как незащищенные участки тела противника (голова, руки, плечи) и его боевого коня, так и древко вражеского копья [Бобров 2013а: 183–195].

Главной разновидностью копейных значков ойратской «джиды» стали небольшие парные (реже одинарные или тройные) кисточки, подвешенные к верхней части древка (см. фото 2: 4). Судя по данным письменных и изобразительных источников, такое оформление боевого оружия встречалось как у джунгар, так и у калмыков [Бобров, Ожередов 2021: 194, 196; Бобров, Пастухов 2021а: 776–780]. Согласно цинским материалам, подобные кисточки могли изготавливаться из верблюжьей шерсти [Бобров, Пастухов 2021а: 776, 778].

¹ Характерное название данному конструктивному элементу было дано российскими казаками XVIII в. [Бобров 2013а: 193].

10. Техника конного копейного боя

Комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников позволяет реконструировать основные приемы и техники владения пикой в кавалерийском бою, которые применяли ойраты и их соседи в XVII–XVIII вв. (см. илл. 3). Данный вопрос был разобран нами в серии специальных работ [Бобров 2013б; Бобров 2014а: 127–143], поэтому здесь ограничимся основными выводами.

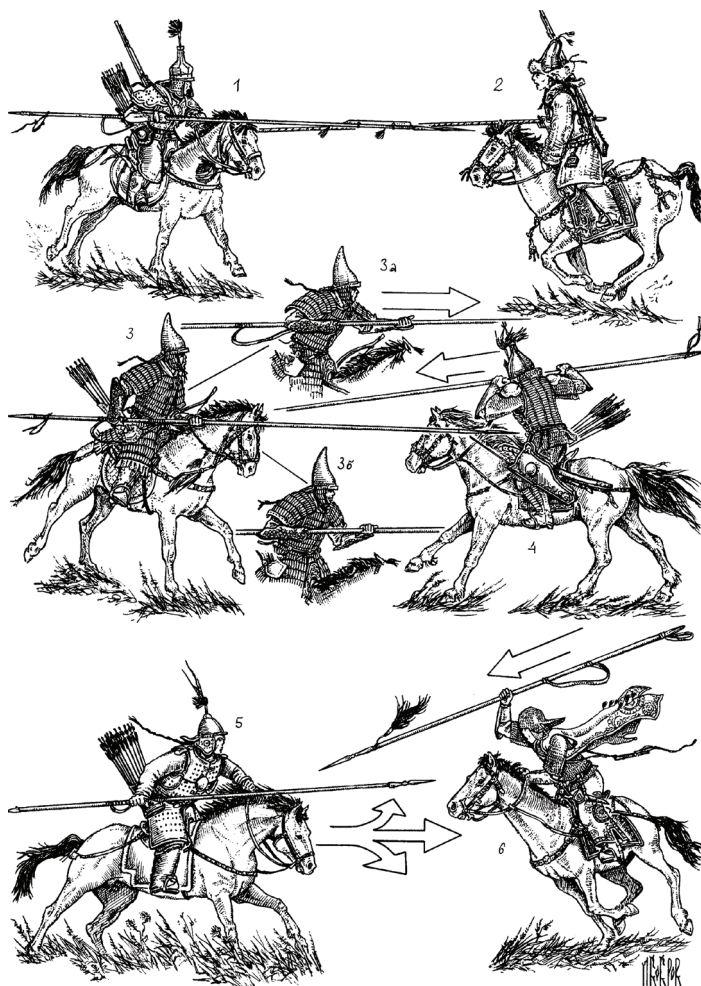
Центральноазиатские кочевники позднего Средневековья и раннего Нового времени сохранили наиболее совершенные приемы копейного боя, характерные для степных воинов раннего и развитого Средневековья, но внесли в них ряд важных изменений. Так, распространение металлической и «мягкой» (стеганой на вате) брони среди монголоязычных номадов Центральной Азии XVII – первой половины XVIII вв. привело к росту значения «таранного» удара и соответствующему ему «подмышечному» и нижнему двуручному (фиксированному) хвату пики (см. илл. 3: 1, 2, 3б).

Существовало несколько основных вариантов удержания пики в момент атаки (см. илл. 3: 1–5). Так, например, казахи предпочитали держать пику за нижнюю часть древка (см. илл. 3: 2), что позволяло поразить противника на максимальной дистанции [Бобров 2013б: 218]. Однако «казахский хват» оружия имел и свои недостатки. Из-за смещения центра тяжести вперед пика «жиблилась», т. е. колебалась, клонилась к земле. В результате воину приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удержать пику в горизонтальном положении. Основным способом борьбы с «казахским хватом» был сильный удар сверху по древку пики, в результате которого ее наконечник «нырял» вниз [Бобров 2014а: 138–140].

Отличительной особенностью «ойратского хвата» (см. илл. 3: 1) было удержание пики примерно по центру древка — ближе к подтоку, что обеспечивало оптимальную балансировку оружия при ударе. Данный способ атаки неоднократно зафиксирован как изобразительными (см. илл. 1: 8), так и письменными источниками. Перешедший на сторону Цинской империи джунгарский военачальник Богуй подробно описал преимущества «ойратского» копейного хвата и недостатки его «казахского» аналога: «На мой взгляд, копья очень важны. При использовании копья, если [воин] зажмет его древко подмышкой, а затем поместит две трети древка спереди, а [оставшуюся] треть сзади, он обретет силу в обращении с копьем. Если [часть древка, которая расположена] спереди длиннее [чем две трети древка], хотя [солдат] владеет копьем [интенсивно], с одной стороны, он не может получить [достаточной] мощи, а, с другой стороны, [движение копья] замедлится и будет бесполезным» [Shim 2020: 98].

Одной из самых популярных разновидностей копейного хвата на протяжении рассматриваемого периода был нижний двуручный хват (см. илл. 3: 3). Он занимал промежуточное положение между фиксированным и свободным способом удержания пики. В зависимости от боевой обстановки использующий его воин мог нанести колющий / тычковый (илл. 3: 3а) или «таранный» удар [Бобров 2013б: 218].

В последнем случае древко зажималось правой подмышкой, а вынесенная вперед левая рука направляла древко (см. илл. 3: 3б). Судя по цинским изображениям, поводя в момент такой атаки размещались на левом запястье воина (см. илл. 2: 1).

Илл. 3. Техника и приемы конного копейного боя кочевников XVII–XIX вв.
Реконструкция Л. А. Боброва по материалам письменных и изобразительных источников

[*Ill. 3.* Methods of striking with a spear among the nomads of the XVII–XIX centuries. Reconstruction of L. A. Bobrov based on the materials of written and pictorial sources]

В некоторых случаях мог использоваться верхний двуручный хват. Главным преимуществом такого хвата была способность поражать противника сверху вниз в голову или верхнюю часть корпуса (см. илл. 3: 4). Двуручность хвата позволяла корректировать и направлять удар практически в момент его нанесения.

К числу редких экзотических разновидностей копейного хвата относился верхний одноручный («дротиковый») хват, когда всадник удерживал пику над головой, нанося колющий удар сверху вниз (см. илл. 3: 6).

Постепенное вытеснение защитного вооружения из широкого военного обихода во второй половине XVIII в. способствовало росту популярности свободного (одноручного) способа удержания пики (см. илл. 3: 5), распространению копейных «отрезов» и различных приемов фехтования древком (см. илл. 1: 8).

11. Распространение ойратской практики «копейного боя» по Евразии в XVII – середине XVIII вв.

Распространение пик «джида» среди легковооруженных ойратских воинов дало им важное преимущество перед их ногайскими и крымско-татарскими противниками. Массированная атака калмыцкой копейной конницы буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» ордынские лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. Лучная стрельба по преследователям из положения влево-назад, столь эффективная против московской, литовской и польской кавалерии, в боях с ойратами не давала нужного эффекта, так как калмыки владели саадаком не хуже своих тюркских противников. Кроме того, вести стрельбу преследователям было значительно проще, чем убегающим, вынужденным оборачиваться на 180 градусов. Когда же калмыцкие кони настигали ногайских «бахматов», ойраты кололи беглецов длинными пиками (см. илл. 1: 1). Ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгама».

Испытав на себе мощь копейных ойратских атак, многие степные народы поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана, за которыми последовали киргизы, каракалпаки, ногаи, башкиры и другие воины Великой Степи.

Не стали исключением и крымские татары. Уже после первых схваток с калмыками, в декабре 1661 г., крымский хан Мухаммед-Гирей заказал горским черкесам изготовить 4 500 копий по представленному им образцу, причем указывалась и назначение данного заказа: «а биться им с копья против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» [Бобров 2016: 280]. В последующие годы длиннодревковое оружие стало важным элементом комплекса вооружения воинов Крымского ханства.

По мнению американского военного историка Х. Шима, джунгарское вторжение в Тибет в 1716–1720 гг. привело к росту значения длинных кавалерий-

ских копий (тиб. *dung ring*) в тибетской боевой практике XVIII в. [Shim 2020: 105–107].

В хоу-цзиньской и цинской коннице XVII в. колющее длиннодревковое оружие имело весьма ограниченное распространение. Маньчжурские полководцы отдавали явное предпочтение слабоизогнутым саблям, которые являлись основным оружием ближнего боя цинских кавалерийских подразделений. Однако необходимость противодействия многочисленным джунгарским и мусульманским копейщикам стимулировала распространение колющего длиннодревкового оружия среди цинских войск, действовавших на степном театре боевых действий. В третьей четверти XVIII в. в арсеналах крепостей провинции Синьцзян хранились тысячи длинных копий (*чанцян, чанмао*), предназначенных для воинов местных цинских гарнизонов [Сун Юнь 1839: л. 7b, 10a, 11b, 12b, 13a, 14a].

Как показали специальные исследования, именно с ойратским и монгольским влиянием связано широкое распространение конного копейного боя и среди российских казаков (сибирских, яицких, донских), которые до этого не слишком жаловали данный способ ведения сражения. Усвоив от центральноазиатских номадов идею легкой копейной конницы и соответствующие ей тактические приемы (знаменитая казачья «лава» — вариант ойратского построения *нуман жагсаал*), казаки довели их до высокой степени совершенства, чем прославили себя в ходе военных компаний второй половины XVIII–XIX вв. [Бобров 2014a: 115–118, 122–143; Бобров 2015: 114–125].

Опосредованно ойраты повлияли и на рождение еще одной разновидности легкой копейной конницы, на этот раз регулярной. В ходе боевых действий второй половины XVII в. на территории современной Украины ойратские кавалерийские пики и некоторые элементы конного копейного боя были переняты «липками» (татарами, проживавшими на территории Речи Посполитой). Именно «липки» послужили основой для создания в Польше в первой половине XVIII в. полков конных копейщиков, которые вскоре стали известны по всей Европе под именем «улань» [Бобров 2014a: 116–123].

По некоторым данным отдельные элементы костюма и вооружения кочевников сохранились у европейских улан вплоть до середины XVIII в. Согласно материалам Д. Т. Денисона, во время Семилетней войны (1756–1763) в составе австрийской армии действовал отряд улан: «Внешне по одежде и манере боя они напоминали татар и калмыков. Они были вооружены пиками примерно в 15 футов длиной (свыше 4,5 м), пистолетами, саблями, а иногда карабинами, и, как отмечает генерал Ллойд, некоторые имели луки и стрелы» [Денисон 2014: 313].

12. Длиннодревковое оружие и копейный бой калмыков в последней трети XVIII – начале XIX вв.

На протяжении XVIII в. роль панцирной конницы в калмыцких войсках постепенно снижалась, центральноазиатские пластинчатые «куяки» и клепаные шлемы вытеснялись кольчатými «пансырями» и миссюрками северокавказского образца. Все большую роль на полях сражений играли ручное огнестрельное оружие и легкая мобильная полевая артиллерия, перевозившаяся на верблюдах [Бобров 2009a: 103–107]. Однако пики «джида» продолжали оставаться основным видом оружия ближнего боя калмыцких воинов.

Российский ученый и путешественник, один из руководителей «Физической экспедиции» П. С. Паллас, посетивший Поволжье в 1768–1769 гг., особо подчеркивал, что: «*Калмыцкое оружие состоит по большей части в копьях, стрелах и луках*» [Паллас 1809: 477, 478].

Несмотря на рост значения «огненного боя» в боевой практике калмыков рассматриваемого периода, решающий удар по противнику по-прежнему наносила копыеносная конница. Немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (с 1770 г.) И.-Г. Георги, который лично посетил Поволжье, сообщал по этому поводу: «*Всякий [калмыцкий] полк состоял из тройких воинов, а именно: из стрельцов, которые сходили с лошадей, когда палили из ружей; из луконосцев, которые, столпясь, пускали тучей стрелы; и из копейщиков, решавших битву*» [Георги 2005: 399, 400].

Дербетский владелец Ценден Дорджи писал астраханскому губернатору М. М. Жукову в 1784 г. о принципах разделения калмыцких воинов на копейщиков, лучников и ружейных стрелков: «...сверх того учение имеют, как противу неприятеля стрелять из ружья и из сайдака, а которые из ружья и сайдака стрелять необыкновенные люди, то таковые подпоясывают сабли и *берут дротики*¹» [Батыров 2012: 168].

Примеры эффективного взаимодействия лучников, ружейных стрелков и копейщиков в войсках калмыков конца XVIII – начала XIX вв. привел и Б. Бергман²: «*Часть воинов вооружена охотничьими ружьями с нарезным стволом (büchsen³), другая — луками и стрелами (Bogen und Pfeilen), а остальные имеют сабли и копья (Säbel und Lanzen). ... Во время битвы знамя у самого храброго воина, и несет он его всегда впереди. Если врага не достать луком и пикой⁴, то стрелки спешиваются и на животе приближаются к нему. Часто калмыки отправляются по двое верхом: один — с ружьем, другой — с пикой. Первый ранит ружьем, а другой добывает неприятеля пикой*» [Зольванова 2011: 10; Bergmann 1804: 191, 195].

Таким образом, в обновленной калмыцкой тактике конные и пешие стрелки (лучники и воины с огнестрельным оружием) начинали битву и «размягчали» боевые порядки противника, а решающий удар наносила традиционная копейная конница. При этом, как и у джунгар середины XVIII в., калмыцкие воины с копьями активно взаимодействовали со стрелками. В данной связи весьма характерен перечень военных трофеев, захваченных российскими казаками атамана Ивана Митрясова у отряда калмыков, пытавшихся откочевать в Джунгарию в январе 1771 г. В числе прочего были отбиты: 3 знамени, 125 копий, 50 ружей, 25 «санджаков»⁵ и 25 сабель

¹ В данном случае под «дротиком» подразумевается кавалерийская пика.

² Далее приведен перевод С. О. Зольвановой [Зольванова 2011: 10]. В скобках указаны немецкие термины из оригинального издания книги Б. Бергмана [Bergmann 1804: 191, 195].

³ Термин «Büchse» может иметь и более широкое толкование — нарезное ружье, ружье вообще.

⁴ В переводе С. О. Зольвановой «луком и стрелой», однако в оригинальном тексте Б. Бергмана — «Bogen und Lanze», т. е. «луком и пикой (копьем)» [Bergmann 1804: 195].

⁵ «Санджаками» в XVIII в. называли знамена с полотнищами (т. е. флаги). Однако в перечне трофеев знамена указаны отдельно. Возможно, что под «санджаками» в данном случае подразумевались пики, снабженные матерчатыми копейными значками. Также не исключено, что при составлении документа была сделана ошибка и «сан-

[Колесник 2003: 206]. По всей видимости, данное вооружение принадлежало убитым калмыцким воинам (около 200 чел.). Если это действительно так, то более 60 % калмыков было вооружено пиками, около 25 % ружьями и примерно 12,5 % саблями.

В том же 1771 г. калмыцким владельцем Яндыком были предприняты меры по увеличению численности копейщиков в калмыцких войсках. Так, в частности, он требовал от кочевников, оставшихся без своих правителей, «...чтоб исправляли оружие, и у каждой бы кибитки было по дротуку» [Батыров 2012: 168]. Еще более строгие требования Яндык предъявлял к собственным подданным: «...приказание подвластным своим учинил, чтоб они по нынешним обстоятельствам для всякого воинского случая оружием были исправны, а имянно, чтоб у десяти человек было два ружья, три саидака, а притом и дротуки» [Батыров 2012: 168]. Таким образом, Яндык пытался добиться 100-процентного обеспечения воинов длиннодревковым оружием. При этом 20 % должны были иметь ружья, а 30 % — луки. По всей видимости, программа перевооружения, как минимум частично, была реализована калмыцким правителем. Во всяком случае, М. Лепехин сообщал астраханскому губернатору Н. А. Бекетову весной 1771 г., что воины Яндыка «...большая часть саидашные и з дротуками, а прочие с ружьями и саблями» [Батыров 2012: 168].

Сообщения современников подтверждаются данными войсковых ведомостей, в которых было перечислено основное вооружение калмыцких воинов второй половины XVIII – начала XIX вв. Приведем некоторые из них¹.

Таким образом, главным оружием ближнего боя волжских калмыков рассматриваемого периода были копья и пики. В большинстве указанных военных походов второй половины XVIII – начала XIX вв. ими были вооружены от 58,2 до 98,5 % калмыцких воинов. В тех случаях, когда оснащенность пиками считалась недостаточной (как, например, в 1807 г. от 22,9 до 46,7 %), российское командование специально заказывало пики у российских ремесленников, которые затем передавались в калмыцкие войска [Шовунов 1991: 178; Рахимов 2014: 211].

В эпоху наполеоновских войн калмыки вступили в первую очередь как конные копейщики² и прославили себя в подобном качестве в ходе Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. Прямое столкновение европейских и калмыцких пикинеров нередко заканчивалось победой последних. Так, например, 2-й калмыцкий полк майора Сербеджаба Тюменя в битве под Пружанами (18 июля 1812 г.) опрокинул саксонских *шеволежоров*, а в сражении под Слонимом (7 октября 1812 г.) — литовских улан [Очиров 2020: 33]. Победу над неприятелем в битве при Гроссенхайне 15 сентября 1813 г. 2-му Калмыцкому полку также принес мощный копейный удар: «...он, Тюменев, подвел к неприятелю в близкое расстояние полк и совокупно с поясенным полком *сделал удар в дротуки*, расстроив противу стоящего неприятеля, и с великим уроном поражал, сбив с занятого места, и затем во всеобщем ударе джаки» было вписано вместо слова «саадаки», обозначающего комплект метательного оружия (лук, стрелы, налуч, колчан).

¹ В таблице приведены сведения из работ К. П. Шовунова, Р. Н. Рахимова и др. [Беликов 1965: 89, 90; Шовунов 1991: 175–179; Участие калмыков... 2012: 191–200; Рахимов 2014: 140].

² По сравнению с другими национальными подразделениями иррегулярной российской кавалерии калмыки были также весьма неплохо обеспечены ручным огнестрельным оружием (см. табл. 1).

Таблица 1. Вооружение калмыков по данным войсковых ведомостей второй половины XVIII – начала XIX вв.

[Table 1. Kalmyks' armament according to military records of the second half of the XVIII – early XIX centuries]

Событие	Общее кол-во воинов в походе	Пики	Сабли	Ружья	Саадаки
Поход в Лифляндию в 1756 г.	516 чел.	504 (97,6 %)	67 (12,9 %)	333 (64,5 %)	192 (37,2 %)
Хошутское ополчение 1807 г. ¹	506 чел.	225 (44,4 %)	61 (12,05 %)	458 (90,5 %)	?
Калмыцкое ополчение 1807 г. ²	5 196 / 5 186 чел. ³	1 190 / 2 424 (22,9 / 46,7%) ⁴	715 / 866 (13,7 / 16,6%)	2 370 / 2 850 (45,6 / 54,9 %)	10 (0,1 %)
Калмыцкое ополчение 1808 г.	2 525 чел.	2 488 (98,5 %)	941 (37,2 %)	2 000 (79,2 %)	–
1-й Калмыцкий полк (полк Д. Тундутова) в 1811 г.	508	445 (87,5 %)	137 (26,9 %)	268 (52,7 %)	–
2-й Калмыцкий полк (полк С. Тюменя) в 1811 г. ⁵	526 (26 офицеров, 500 рядовых) ⁶	329 (62,5 %)	105 (20 %)	480 ⁷ (91 %)	–

¹ Торгуты и дербеты первоначально прибыли на сборный пункт без оружия.

² Помимо перечисленного оружия среди вооружения общекалмыцкого ополчения были указаны 36 пистолетов, 27 «чеканов» (т. е. узколезвийных боевых топоров) и 23 металлических панциря [Шовунов 1991: 177].

³ Подсчеты, проведенные К. П. Шовуновым [Шовунов 1991: 175, 176–179] (первая цифра) и Т. И. Беликовым [Беликов 1965: 89, 90] (вторая цифра), имеют некоторые отличия.

⁴ Российское командование посчитало необходимым увеличить число пик в калмыцких войсках во время компании 1807 г. По данной причине в Москве и других городах Александр I приказал изготовить для калмыков еще 5 тыс. копий. Таким образом, после поступления этого оружия в войска каждый калмыцкий воин мог быть снабжен копьем или пикой [Шовунов 1991: 178; Рахимов 2014: 211].

⁵ Данные по «Имянному списку» полка от 28.08.1811 [Участие калмыков... 2012: 191–200].

⁶ В таблице учтены только комбатанты. Кроме того, в составе полка числилось шесть нестроевых [Участие калмыков... 2012: 191–200].

⁷ В перечне огнестрельного оружия не учтены пистолеты, находившиеся на вооружении командного состава полка.

отлично и усердно к победе споспешествовал, причем взято человек до 30-ти в плен» [Участие калмыков... 2012: 227].

13. Выводы

Собранные материалы свидетельствуют, что в XVII – начале XIX вв. кавалерийские копья и пики («джида» / «дзида») являлись абсолютно преобладающим видом оружия ближнего боя как у восточных ойратов (джунгар), так и у их западных сородичей (калмыков).

В значительной мере данный феномен был обусловлен трансформацией традиционного оружейного комплекса центральноазиатских nomadов в период позднего Средневековья и Нового времени. Если в более ранние исторические периоды основными потребителями ударных копий и пик у кочевников региона были преимущественно панцирные всадники, то во второй половине XVI–XVII вв. ойратские и монгольские полководцы стали массово снабжать своих легких лучников колющим длиннодревковым оружием. Результатом данного процесса стало появление легкой копейной конницы, способной чередовать дистанционный (лучной, а позднее и «огненный») бой со стремительными копейными атаками. Устойчивость легких копейщиков в рукопашной схватке дополнительно обеспечивали многочисленные конные панцирники-«куяшники», также оснащенные ударными пиками.

Распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привело к росту значения ближнего боя, определенным изменениям конструкции и техники владения кавалерийской пикой. Массовое и весьма умелое применение длиннодревкового оружия калмыцкой и джунгарской конницей являлось одной из важных причин военного доминирования ойратов на полях степных кавалерийских сражений XVII – первой половины XVIII вв.

Комплексный анализ письменных и изобразительных источников показал, что основной формой боевого порядка калмыцкой копейной конницы было колоннообразное построение, развернутое по фронту или в глубину. В зависимости от боевой задачи в момент атаки такая колонна могла перестроиться в полумесяц, обращенный рогами к противнику, или сформировать клин-*хошуун*. Кроме того, применялись различные варианты рассыпного строя (в том числе лава), а также (по сообщению И. Унковского) некое особое боевое построение, состоящее из нескольких рядов (шеренг) всадников.

Джунгарские и калмыцкие полководцы сумели добиться высокого уровня взаимодействия легких и панцирных копейщиков с другими категориями воинов: конными и спешенными лучниками, ружейными стрелками, а также легкой полевой артиллерией, что существенным образом повысило боевые возможности ойратских армий.

Идея легкой копейной конницы была воспринята ближними и дальними соседями монголоязычных кочевников: казахами, киргизами, народами Саяно-Алтая, ногайцами, крымскими татарами и др. Именно с ойратским влиянием (прямым или опосредованным) связан рост популярности кавалерийского длиннодревкового оружия, конного копейного боя и соответствующих тактических приемов у тибетцев, воинов Цинской империи, а также сибирских, яицких и донских казаков Российского государства.

Косвенным образом ойратская военная практика повлияла и на эволюцию европейской регулярной кавалерии XVIII – начала XX вв. В числе тех, кто усво-

ил идею легкой копейной конницы, были польско-литовские татары (*липки*). В начале XVIII в. в Речи Посполитой на основе *липков* были созданы первые регулярные полки легкой копейной кавалерии нового образца — уланы. С этого времени роль бездоспешных конных копейщиков в военном деле европейских народов неуклонно возрастала.

На протяжении XVII–XVIII вв. калмыцкий комплекс вооружения существенным образом эволюционировал. Все большую популярность набирало ручное огнестрельное оружие, в то время как доспехи центральноазиатского образца постепенно выходили из широкого военного обихода. Однако, несмотря на это, копьё и пики сохранили в калмыцких войсках статус главного оружия ближнего боя. Калмыцким военачальникам удалось обеспечить эффективный баланс между ружейными стрелками, лучниками и копейщиками, наносившими главный удар по противнику. Вплоть до завершения наполеоновских войн кавалерийские пики продолжали играть важную роль в военном искусстве калмыков.

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что массовое использование длиннодревкового оружия стало «визитной карточкой» военного искусства монголоязычных кочевников периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Военные успехи ойратов способствовали распространению идеи легкой копейной конницы по Евразии и обеспечили «джиде» и ее дериватам заметное место в мировой истории оружия.

Не будет большим преувеличением сказать, что кавалерийские копьё и пики стали своеобразным символом оружейного комплекса ойратов, который прославил их на полях сражений XVII – начала XIX вв.

Сокращения

монг. — монгольский;
рус. — русский;
тиб. — тибетский.

Литература

- Артамонов 2007 — *Артамонов В. А.* Калишская баталия 18 октября 1706 г. М.: Цейхгауз, 2007. 48 с.
- Балькина 2015 — *Балькина М. И.* Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыцкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VI. С. 102–138.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
- Басангова 2021 — *Басангова Т. Г.* Образ кузнеца в «Джангаре» — героическом эпосе монгольских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2021. № 2. С. 33–40.
- Батыров 2012 — *Батыров В. В.* Вопросы военного устройства и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 162–171.
- Бахревский 2023 — *Бахревский Е. В.* Сакральное-географические представления калмыков в XVII веке (по материалам «Книги путешествия Эвлия Челеби») // Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2023. № 2. С. 9–38.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Участие калмыков в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.

- Бобров 2009а — *Бобров Л. А.* О некоторых особенностях военного дела волжских калмыков XVII–XVIII вв. // Единая Калмыкия в единой России : через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 99–108.
- Бобров 2009б — *Бобров Л. А.* «И напали на них с копы жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum*. 2009. № 31. С. 67–104.
- Бобров и др. 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: уч. пособ. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров 2013а — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 183–195.
- Бобров 2013б — *Бобров Л. А.* Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2013. № 3. С. 216–221.
- Бобров 2014а — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX в. (начало) // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2014. № 2(35). С. 115–147.
- Бобров 2014б — *Бобров Л. А.* «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. № 6. С. 239–249.
- Бобров 2015 — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX в. (окончание) // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2015. № 3(36). С. 113–126.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Спец. выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Бобров 2022 — *Бобров Л. А.* Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17(49). С. 5–33.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2021а — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796.
- Бобров, Пастухов 2021б — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 2. С. 186–221.
- Бобров, Рюмишин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмишин М. А.* «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*. 2015. № 8. С. 357–378.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

- Бобров и др. 2018 — *Бобров Л. А., Шейхумеров А. А., Сальников А. В.* Коллющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников) // *Былые годы*. 2018. Т. 49. № 3. С. 884–914.
- Брюс 2022 — *Брюс П. Г.* О персидском походе. Из книги «Мемуары... офицера на службе Пруссии, России и Великобритании» // *Звезда*. 2022. № 11. Б. с.
- Васильев 2016 — *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бои при Ярославиче 8/21 августа 1914 года. М.: Русские Витязи, 2016. 152 с.
- Веселовский 1887 — *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 284 с.
- Витсен 2010а — *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. I. Амстердам: Pegasus, 2010. XXIII+623 с.
- Витсен 2010б — *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 625–1225.
- Вэй Юань 1842 — *Вэй Юань.* Шэньгу цзи (= Записки о священной воинственности). 1842. Б. м., б. г. 118 с. (на кит. яз.).
- Георги 2005 — *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.
- Голиков 1838 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Т. 4. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 582 с.
- Гольдберг 1976 — *Гольдберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // *Страны и народы Востока*. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976. С. 228–233.
- ДАИ 1859 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 400 с.
- ДАИ 1872 — Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 12. СПб.: Тип. Э. Праца, 1872. 469 с.
- Денисон 2014 — *Денисон Д. Т.* История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения. М.: Центрполиграф, 2014. 511 с.
- Зольванова 2011 — *Зольванова С. О.* Война у калмыков в описании Бергмана // *Элистинский курьер*. 2011. 24 марта. № 11(119). С. 10.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Крижанич 1965 — *Крижанич Ю.* Политика. М.: Наука, 1965. 587 с.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Кушкumbaев 2001 — *Кушкumbaев А. К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Манас 1988 — *Манас*. Киргизский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. 687 с.
- Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М.: Вост. лит., 2000. 798 с.
- МИРМО 1959 — *Материалы по истории русско-монгольских отношений*. 1607–1636. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Мицик 2004 — *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Киев: Вид. дім «КМ Академія», 2004. 84 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 196 с.
- Новосельский 1994 — *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 224 с.

- Очиров 2020 — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX вв. Ч. 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39.
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. Ч. 1. СПб.: Изд-во имп. Акад. наук, 1809. 785 с.
- Пастухов 2022 — *Пастухов А. М.* Цинское завоевание Восточного Туркестана 1758–1759 гг. // *Parabellum novum*: Военно-исторический журнал. 2022. № 17(50). С. 91–143.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста: Джангар, 2009. С. 283–285.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII–XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- РКО 1969 — Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I. 1608–1683, М.: Наука, 1969, 614 с.
- Сун Юнь 1839 — *Сун Юнь.* Сичуй цзунтун шилюэ (= Краткое всеобщее описание Западной Краины). [б. г., б. и.], 1839 (на кит. яз.).
- Тарих-и Бадахшан — *Тарих-и Бадахшан* (= История Бадахшана). М.: Наука, 1997. 400 с.
- Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Титов 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII в.: сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 216 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Томск... 1911 — Томск в XVII веке: материалы для истории города. СПб.: [б. и.], 1911. 169 с.
- Трепавлов 2013 — *Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- Участие калмыков... 2012 — Участие калмыков в наполеоновских войнах. Сборник документов и материалов. Элиста: Джангар, 2012. 537 с.
- Худяков и др. 2013 — *Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж.* Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собрания «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 164–170.
- Челеби 1979 — *Челеби Э.* Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 287 с.
- Шейхумеров 2019а — *Шейхумеров А. А.* Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
- Шейхумеров 2019б — *Шейхумеров А. А.* Папский нунций о калмыках (1685) [электронный ресурс] // URL: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/97086.html> (дата обращения: 01.11.2023).
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Эпистолярное наследие... 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. истор. док. В 2 тт. Т. 2. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.

- Юль 2001 — *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 11–354.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga: 1804. 352 s. (на нем яз.).
- Çelebi VII — *Çelebi E.* Evliya Çelebi Seyahatnamesi, VII. Kitap, Haz. Robert Dankoff, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, [б. г.]. 187 p. (на тур. яз.).
- Gawęda 2005 — *Gawęda M.* Połonka-Basia 1660. Warszawa: Bellona, 2005. 352 s. (на польск. яз.).
- Naito 1970 — *Naito K.* ‘Qinbian Jilue’ no ‘Gardan zhuan’ // Naito Konan Zenshu. 14 vols. Tokyo: Chikuma Shobo, 1970. Vol. 7. Pp. 380–425.
- Shim 2020 — *Shim H.* The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // *Revue d’Etudes Tibetaines. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries.* 2020. № 53. Pp. 56–113.
- Witsen 1785 — *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen. Amsterdam: By M. Schalekamp, 1785. 503 s.

References

- Artamonov V. A. Kalish battle on October 18, 1706, Moscow: Tseykhauz, 2007. 48 p. (In Russ.)
- Balykina M. I. Provincial Military Corporation on a Campaign: “Kalmyk Parcel” of Nizhny Novgorod Nobles and Boyar Children in 1644. Electronic resource. *History of Military Arts: Researches and Sources.* 2015. Vol. VI. Pp. 102–138. Available at: URL: <http://www.milhist.info/2015/01/30/balykina> (accessed: 30 January 2015). (In Russ.)
- Basangova T. G. The Image of the Blacksmith in “Dzhangar” — the Heroic Epic of the Mongolian Peoples. *Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.* Series: “Epic Studies”. 2021. No. 2. Pp. 33–40. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Questions of the Military Device and Armament of the Kalmyks in the Second Half of the XVIII Century. (according to archival materials). Materials of the All-Russian Scientific Conference “Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812” (Elista, 11–14 September 2012). Elista: KIGI RAN, 2012. Pp. 162–171. (In Russ.)
- Bakhrevsky E. V. Sacred Geographical Representations of the Kalmyks in the XVII Century (based on the materials of the “Travel Book of Evliya Celebi”). *Nomadic Civilization: Historical Research.* 2023. No. 2. Pp. 9–38. (In Russ.)
- Belikov T. I. Participation of the Kalmyks in the Struggle for the Independence of our Motherland. Elista: Kalmykia Book Publ., 1965. 180 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. On some Features of the Military Affairs of the Volga Kalmyks of the XVII–XVIII Centuries. United Kalmykia in United Russia: through the Centuries into the Future: materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk People into the Ross. States (Elista, September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009a. Part 1. Pp. 99–108. (In Russ.)
- Bobrov L. A. And Attacked them with a Spear Cruelly. The Battle on the Ayaguz River (1717): Prerequisites, Course, Results. *Para-Bellum.* 2009b. No. 31. Pp. 67–104. (In Russ.)
- Bobrov L. A. The Spear “Cut” is an Original Constructive Element of the Long-Tree Weapons of the Peoples of the Adjacent Territories of the Late Middle Ages and Early Modern Times. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* Series “History, Philology”. 2013a. Vol. 12. No. 3. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Technique of Horse Spear Fighting of Nomads of Central and Central Asia of the XVII – mid. XIX century. *Tomsk State University Journal.* Series “History”. 2013b. No. 3. Pp. 216–221. (In Russ.)
- Bobrov L. A. To the Question of the Origins of the Equestrian Spear Battle of the Russian Cossacks of the Second half of the XVII – first half of the XIV century. *Parabellum*

- Novum: Military History Magazine*. 2014a. № 2(35). Pp. 115–147. (In Russ.)
- Bobrov L. A. “Crow flock” over the Crimea. Tatar-Kalmyk Confrontation in the steppes of the Northern Black Sea Region (September 1661 – January 1663). *Medieval Turkic-Tatar States*. 2014b. No. 6. Pp. 239–249. (In Russ.)
- Bobrov L. A. To the Question of the Origins of the Equestrian Spear Battle of the Russian Cossacks of the second half of the XVII – first half of the XIV century. *Parabellum novum*. 2015. No. 3(36). Pp. 113–126. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the late XV – mid XVII centuries. *History of Military Arts: Researches and Sources*. 2016. Special Issue V. Standing on the Ugra River 1480–2015. Part II. Pp. 210–388. Available at: URL: <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (accessed: 28 March 2016).
- Bobrov L. A. The Decline of the “Last Nomadic Empire”. Military Affairs of the Dzungars of the Middle of the XVIII century. *Parabellum novum: Military History Magazine*. 2022. No. 17(49). Pp. 5–33. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Interaction of the Turkic and Mongolian Peoples with the Russians in Siberia in Military Affairs in the Late Middle Ages and the New Time: a study guide. Novosibirsk: NGU, 2010. 288 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern ages (15th – first half of the 18th century A.D.). St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts. SPbGU: 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Jamsaran Warrior's Armor. Central Asian armor-“kuyak” from the collection of MAES TSU. Novosibirsk: NGU, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Oirats of Dzungaria in the Middle of the XVIII century. based on the materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Muslim Population of East Turkestan and Adjacent Territories of the Middle of the XVIII century. based on the materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 186–221. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ryumshin. M. A. “And Against them, they could not Withstand Anywhere and they are not able to Fight Against them”. Arms and Military Tactical Aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar Wars During the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Review*. 2015. No. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Sheikherov A. A., Salnikov A. V. Stabbing Long-Barrel Weapons of the Crimean Tatars and Nogais of the 1440s–1650s (based on written sources). *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 884–914. (In Russ.)
- Bruce P. G. On the Persian Campaign. From the book. *Memoirs ... of an officer in the Service of Prussia, Russia and Great Britain*. *Zvezda*. 2022. № 11. w. p. (In Russ.)
- Chelebi E. The Book of Travels (Extract from the Work of the Turkish Traveler of the 17th century. Lands of the North Caucasus, the Volga Region and the Don Region. Moscow: Nauka, 1979. No. 2. 287 p. (In Russ.)
- Çelebi E. Travelogue, VII. Book, Ed. Robert Dankoff, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, [w. d.]. 187 p. (In Turk.)
- Denison D. T. History of Cavalry. Armament, Tactics, Major Battles. Moscow: Centerpolygraph, 2014. 511 p. (In Russ.)
- Epistolary legacy of the Kazakh Ruling Elite of 1675-1821. Collection of Historical Documents in two volumes. Vol. 2. Letters of Kazakh rulers. 1738–1821 Almaty: ABDI Company, 2014. 1032 p. (In Russ.)
- Georgi I.-G. Description of all the Peoples Living in the Russian State: their everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Amusements, Faiths and other Memorabilia. St. Petersburg: Russian Symphony, 2005. 816 p. (In Russ.)

- Goldberg L. A. S. U. Remezov's article. On the Kalmyks as a Very Well-known People in Siberia. Countries and Peoples of the East. Issue XVIII. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 228–233. (In Russ.)
- Golikov I. I. The acts of Peter the Great, the Wise Transformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. T. 4. Moscow: Nikolai Stepanov Printing House, 1838. 582 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. The Tips of the Copies of the Kyrgyz of the Tien Shan from the Museum Collections “Manas-Ordo” and “Rarity” in Kyrgyzstan. *Bulletin of Novosibirsk State University*. Series: History, Philology. 2013. Vol. 12. Issue. 7: Archeology and Ethnography. Pp. 164–170 (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Nomad. The Kalmyks’ Transition from Central Asia to Eastern Europe and back in the XVII and XVIII centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Krizhanich Yu. Politics. Moscow: Nauka, 1965. 587 p. (In Russ.)
- Kushkumbaev A. K. Military Affairs of the Kazakhs in the XVII–XVIII centuries. Almaty: Dyke-Press, 2001. 172 p. (In Russ.)
- Manas. Kirghiz Heroic Epic. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. Book 2. 687 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Russian-Mongolian relations. 1607–1636. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Miller G. F. Siberian Allegory. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. Vol. 2. 798 p. (In Russ.)
- Mitsik Yu. A. Hetman Ivan Vygovsky. Kiev: KM Academy, 2004. 84 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nebolsin P. I. Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshoutovsky ulus. St. Petersburg, 1852. 196 p. (In Russ.)
- Novoselsky A. A. Research on the history of the era of feudalism (scientific heritage). Moscow: Nauka, 1994. 224 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Cavalry of the Turkic-Mongolian Peoples of the Great Steppe in the Russian Army of the XVIII – early XIX centuries. Part 2. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 10–39. (In Russ.)
- Pallas P. S. A Journey through Different Provinces of the Russian Empire, which was in 1768–1769. St. Petersburg, 1809. Part 1. 785 p. (In Russ.)
- Participation of the Kalmyks in the Napoleonic Wars. Collection of Documents and Materials. Elista: Dzhangar, 2012. 537 p. (In Russ.)
- Pastukhov A. M. The Qing Conquest of East Turkestan 1758–1759. *Parabellum novum: Military History Magazine*. 2022. No. 17 (50). Pp. 91–143. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. Military Terminology in the Mongol-Oirat laws “Their caaz” and “Khalkha jirum”. United Kalmykia in United Russia: through the Centuries into the Future: the Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk people into the Russian State (Elista, 13–18 September, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Part 2. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Pyrbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Rakhimov R. N. In the Service of the “White Tsar”. Military Service of non-Russian Peoples of the South-East of Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations in the XVII century. Vol. I. 1608–1683. Moscow: Nauka, 1969, 614 p. (In Russ.).
- Sheikhumerov A. A. Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (XV–XVIII centuries). Kazan – Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. 304 p. (In Russ.)

- Sheikhumerov A. A. Papal Nuncio on Kalmyks (1685) Available at: URL: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/97086.html> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- Shovunov K. P. Essays on the Military History of the Kalmyks (XVII–XIX centuries). Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
- Song Yun. Xichui zongtong shilue (A brief general description of the Western Outskirts). [w. p., w. d.], 1839. (in Chin.)
- Supplement to Historical acts. St. Petersburg: Prats, 1859. Vol. 7. 400 p. (In Russ.)
- Supplement to historical acts. St. Petersburg: Prats, 1872. Vol. 12. 469 p. (In Russ.)
- Tarikh-i Badakhshan. Moscow: Nauka, 1997. 400 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the 17th century. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ayuka Khan and his time. Elista: KalmSC RAS, 2018. 366 p. (In Russ.)
- Titov A. Siberia in the XVII Century: Collection of Ancient Russian Articles about Siberia and the Lands Adjacent to it. Moscow: L. and A. Snegirev. Ostozhenka, Savelovsky lane, own House, 1890. 216 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Oirat Language in Xinjiang. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. The Free Horde: the Nomadic Nogai Empire of the XV–XVII centuries. Moscow: Quadriga, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Vasiliev A. A. Cavalry Attacks of the Great War. The Battles of Yaroslavitsa on August 8/21, 1914. Moscow: Russian Knights, 2016. 152 p. (In Russ.)
- Veselovsky N. I. Embassy to the Zyungarian khun-taiji Tsevan Rabtan of Captain from Artillery Ivan Unkovsky and his Travel Journal for 1722–1724. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House, 1887. 284 p. (In Russ.)
- Wei Yuan. Shengwu ji (Notes on sacred warfare). 1842. [w. d., w. place of publ.]. 118 p. (In Chin.)
- Witsen N. Northern and Eastern Tartary. Amsterdam: Pegasus, 2010. Vol. I. 624 p. (In Russ.)
- Witsen N. Northern and Eastern Tartary. Amsterdam: Pegasus, 2010. Vol. II. Pp. 625–1225. (In Russ.)
- Yul Yu. Notes of the Danish Envoy to Russia under Peter the Great. Lavra of Poltava. Moscow: Sergey Dubov Foundation, 2001. Pp. 11–354. (In Russ.)
- Zolvanova S. O. The Kalmyks' war in Bergman's description. *Elistinsky Courier*. No. 11 (119). 2011. 24 March. Pp. 10 (In Russ.)